

ПРО ИВАНОВА ШВЕЦА И ПРИКЛАДНУЮ БЕСОЛОГИЮ #4

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вадим Валерьевич Булаев Про Иванова, Швеца и прикладную бесологию #4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64087901

SelfPub; 2021

Аннотация

И снова Антон Швец и Сергей Иванов готовы наносить добро и причинять справедливость в рамках служебных полномочий. И немножко сверх них... Данная книга написана в формате новелл и по своей структуре ближе к самому первому тому, являющемуся, по сути, сборником рассказов.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

История первая. Недорисованная ласточка	4
История вторая. Праздник	95
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Вадим Булаев

Про Иванова, Швеца и прикладную бесологию #4

История первая. Недорисованная ласточка

– Привет! Что новенького? – вошедший в квартиру Антон был само жизнелюбие и радушие. – Машуль, доброе утречко! – не забыл он и про хлопотавшую у плиты домовую.

Та выглянула в коридор, одарила гостя мягкой улыбкой и, кивнув в знак приветствия, поинтересовалась:

– Как там Роза? Давно не забегала. Я уже соскучиться успела. Передай – жду. Посидим, поболтаем...

– Угу. Передам. Чаем угостишь?

Кицунэ рассмеялась.

– Кто о чём, а ты о вкусном. Проходи в кухню. Присаживайся. И чаем угощу, и печеньем.

Довольный таким предложением Швец бодро поспешил к столу, а хозяин квартиры, закрыв за ним дверь, немного задержался, с теплотой глядя на своих лучших друзей в этом мире – призрака и кицунэ.

Гость чувствовал себя как дома. Не страдая излишней манерностью, он сразу схватил из вазочки три ароматные печенюшки и, довольно жмурясь, засунул их в рот, за что получил от Маши полотенцем по загривку. Не больно, а так... больше в воспитательных целях.

– Сейчас чайник поставлю. Всухомятку же для желудка вредно!

Не обиделся, схватил четвёртое, ухитряясь при этом ещё и внятно болтать:

– Вкусно. Давно мечтал о твоей выпечке. Почти как о пиве. Честь тебе и слава, хозяйюшка! И статую. Большую, красивую, обязательно с веслом в правой руке.

Новый шлепок полотенцем.

Теперь уже рассмеялся Иванов, с интересом ожидая, чем всё закончится. Швец посмотрел на него с укоризной, делано обиделся, наигранно-печально бросив:

– А если она меня прибьёт или своими страшными ударами в голове что-нибудь повредит, а последствия пониже пояса ударят, приведя всю мою гордость в состояние вечного покоя? Как Розе потом жить? Я же только из Египта этого вернулся, у нас, можно сказать, медовый месяц... Какой барышне понравится, если её кавалеру беспричинно травмы нанесут?

В ответ на этот монолог домовая лишь фыркнула, всем своим видом демонстрируя пренебрежение к столь притянутым за уши страхам.

Закипел чайник. Антон заткнулся, вожаделенно посматривая то на чашки, то на холодильник, а потом, осмелев, спросил:

– У вас варенье есть? Такое... чтобы много.

– Есть, – успокоила его кицунэ. – Сейчас. Рассаживайтесь.

Дважды ей повторять не пришлось. Антон уже сидел, Сергей поспешил на своё место. Ему тоже хотелось вкусно позавтракать. Расставив на столе чашки с чаем, розочку с вареньем, добавив в вазочку печенья, к ним присоединилась и Маша.

– Ну, что у тебя с Эллой? – плотоядно поглядывая на сладкое, небрежно, для поддержания разговора, поинтересовался инспектор-призрак.

Лисьи ушки домовой встали торчком. Она сознательно никогда не интересовалась любовными делами Сергея, понимая, что в некоторые вещи лучше без спросу не влезать. Но любопытно ей было очень, особенно сейчас, когда при помощи Швеца можно приподнять некую пелену таинственности. Вроде как и не специально, а узнала.

Ответил Иванов нехотя. С одной стороны – не слишком хотелось при Маше раскрывать подробности личной жизни и сложности во взаимоотношениях с симпатичной ведьмочкой, с другой – Антон же ничего такого, с пошлыми подробностями, не спрашивает. Обычный трёп.

– Да ничего. Звонил пару раз – занята. Похоже, с бабкой у неё полная задница. Говорит – уже и её иногда не узнаёт.

– И прямо вот вырваться ни на секунду не может? – не замечая, что беседа на данную тему не слишком увлекает хозяйина квартиры, продолжал допытываться гость. – Совсем-совсем?

Последние слова были произнесены с нескрываемым скептицизмом, что очень зацепило Сергея.

– Не знаю. Что сказала – то я и повторяю. Как на самом деле – без понятия. Может – правда, может – не хочет встречаться. С бабкой у неё беда из-за нас, помнишь?

Лопающему варенье Швецу такое сравнение не понравилось, однако аппетита не испортило.

– Помню. Не повезло старушке. Но кто же знал?.. Ладно, оставим её, – и, подумав, добавил. – Дай девчонке время. В конце концов, никто никому ничего не должен, да и лучшие страницы своего паспорта ты ей не жертвовал.

Натянутая шутка не помогла. Атмосфера за столом установилась мрачная, потому Антон поспешил плавно увести разговор в сторону:

– А Лана как?

– Звонила, – с готовностью переменял предмет обсуждения хозяин квартиры. – Просто так, о жизни поболтать, без конкретной цели. В конце, правда, намекала...

– На что? – оживился гость, масляно поблёскивая глазами.

– Да? – не сдержавшись, поддакнула и Маша, тут же, впрочем, прикусив язык.

Иванов смотрел на друга насмешливо, прекрасно понимая, какие именно подробности желает услышать Антон. Не для извращений, а исключительно для того, чтобы занять новую тему для «мужских» бесед. Вон, сидит, замороженный, даже про варенье позабыл...

– На то, что если нам по работе понадобится её помощь, то мы можем смело обращаться. В обход начальства, – делая таинственное лицо, солидно произнёс Сергей.

Разочарования гость скрыть не смог. Побарабанил пальцами по столу, вздохнул:

– Тю-у. А я-то думал, она тебя в ресторан потянет, соблазнять будет... Тётка ведь боевая, сама с цветами и шампанским припрётся, если ей мужик понравится...

Неделя, проведенная на курорте в обществе букинистки, позволила Швецу сделать кое-какие, вполне верные, выводы об обсуждаемой особе. Иванов не стал его разубеждать, уклончиво ответив:

– Не без того.

От таких заявлений призрак, опытно почуяв интересное, вскинулся. Машка, напрочь позабыв про диету, схватила печенье и усиленно им захрустела, не сводя со своего домовладельца горящего, жадного до новостей взгляда.

А восстановленный в должности инспектор Департамента Управления Душами нарочито медленно отхлебнул из своей чашки, до хруста в суставах потянулся, и только потом невинно заметил:

– На сегодняшний день у нас исключительно рабочие отношения.

Такое двусмысленное толкование никого из присутствующих не устроило, однако и выпытывать истину никто не решился. Сергей с Антоном принялись сосредоточенно жевать, а кицунэ, внезапно обнаружив в собственной руке кусочек печенья, с отвращением к самой себе положила его на стол, с ужасом ощущая вкус сдобы во рту. Капец диете...

Насытившись и дважды выпросив у Маши добавку варенья, гость, сыто икая, перешёл к делу:

– Чем сегодня займёмся – есть идеи? Шеф нам поручений не давал, значит – мы в свободном поиске.

Пока напарник собирался с ответом, в разговор неожиданно вклинилась домовая, злая на собственную талию, на свои кулинарные таланты и полная решимости сделать сегодня двойную норму по фитнесу, которым любила заниматься в последнее время.

– Куда ты его тащить собрался в законный выходной?! В рейд по очередным помойкам?! Я только все вещи перестирала!..

Это с Сергеем она была покладистой и вежливой, а с остальными, да ещё нагло попирающими основы Трудового Кодекса, могла себе позволить несколько больше.

Зная Машин характер, Швец немного втянул голову в плечи, соорудил покаянную физиономию и искренне признался:

– Ёлки... Я и забыл, что сегодня суббота.

– Нормально. Машуль, не дуйся, сегодня ненадолго, – наконец подал голос Иванов. – Я на кладбище собирался сгонять. Надо тамошнему бесу пузырь вручить за помощь. Помнишь, я тебе про него рассказывал?

Антон кивнул. Историю про мальчика-мажора, его обличённого властью отчима, о роли нечисти во всей этой эпопее и видеоролике на главной площади страны он в своё время слушал в подробностях, без правок и купюр.

Убедившись, что гость понимает, о ком идёт речь, Сергей продолжил:

– Его хоть Марек, демон наш дружественный, и нагнул для помощи в приказном порядке, однако работу тот сделал на отлично, не грех и спасибо сказать.

– Думаешь, ему твоё спасибо очень нужно?

– Не знаю, – хозяин квартиры пожал плечами. – Но отблагодарить надо, бес сделал больше, чем от него требовалось. Такое нужно ценить, особенно среди этого контингента.

Чуть подумав, Швец согласился:

– И то верно. С собой возьмёшь?

Сторожка при въезде на кладбище оказалась заперта.

– Не иначе, носит его где-то по своим делам, – озвучил очевидное Швец. – Будем ждать?

Перед тем, как ответить, Сергей посмотрел на солидный, позвякивающий стеклом пакет, который он крепко держал

в руке; на небо с лениво плывущими по нему облаками; на траурную процессию, несколько сумбурно выстраивающуюся перед машиной-катафалком в ожидании, когда из неё извлекут гроб с покойником; на асфальтированный пятачок парковки перед центральными воротами, откуда недавно отъехало доставившее их сюда такси.

Вряд ли бес далеко ушёл – у него здесь порт приписки. Скорее всего, где-то неподалёку шляется.

– Подождём, – решил Иванов, отходя к дальнему от дороги углу домика, где стояла урна, а на подтаявшем весеннем снегу виднелись многочисленные чёрно-серые пятна от сигаретного пепла и имелась чистенькая, полированная от постоянного пользования, скамейка.

Достал сигареты, предложил Антону. Закурили, искоса посматривая на наконец-то сформировавшуюся, редкую колонну людей с венками, гвоздиками и немного растерянными, старательного избегающими прямого визуального контакта друг с другом, лицами.

Вразнобой, словно стараясь перекрыть громкостью свою несыгранность, задул в трубы и ударил в тарелки оркестр. Все затоптались на месте, зачем-то перемешиваясь между собой, потом первые ряды тяжело тронулись, а гроб будто поплыл в воздухе на крепких мужских плечах. Тоскливо заголосили женщины.

Неприятная картина. Оба инспектора нервно отвернулись, а Антон заметил:

– Всегда удивлялся похоронным оркестрам. Годами играют одну и ту же мелодию, а звучание – дерьмо. Словно специально поганят.

– Ты часто на похоронах бывал? – Сергей сплюнул в сторону попавшую на язык табачную крошку.

– Нет. Не часто. Но звук везде был один и тот же – словно кошкой по стеклу скребут, а та вопит и царапается.

– Это да...

Пока курили, глядя в хвост по-змеиному втягивающейся в ворота процессии – подъехал новый катафалк, за которым начали пристраиваться автобус и легковые автомобили. Не успели новоприбывшие провожающие в последний путь выбраться наружу – вдали показался ещё один автомобиль с ритуальной чёрной полосой.

– Н-да... мрёт народец, – философски заявил Антон. – Прямо конвейер какой-то.

– Так и город-миллионник, а кладбищ всего три. Потому и движ постоянный идёт, – посматривая по сторонам, ответил инспектор, а после предложил. – Давай по центральной аллее прогуляемся. Говорят – там как в музее. Статуи всякие, надгробия от лучших архитекторов... Неохота мне, если честно, на всё это смотреть. Попозже вернёмся. Если бес не придёт – предлагаю по домам разбежаться.

Воспитанно затушив окурок и отправив его в урну, Швец быстрым шагом подошёл к двери, подёргал её, будто нужный им бес в своей человеческой ипостаси мог просочиться мимо

них через окно или вентиляцию. Чуда не произошло. Замок по-прежнему был заперт.

– Пошли.

Позвякивая пакетом, друзья направились к входным воротам, за которыми от основного пути в земное царство мёртвых ответвлялась широкая, ухоженная аллея.

У самого входа внимание инспекторов зацепилось за ещё одну, редкую в наши дни, картину. На парковке, у кладбищенской ограды, мирно соседствовали древний, с гнилыми порогами «Москвич» и «Мерседес» представительского класса, за ними – пара люксовых внедорожников и уставшая, цвета болотной тины «ГАЗель».

Такой вот разношёрстный автопарк против воли навевал тоскливые в своей банальности мысли о том, что и у богатых, и у бедных один путь – на два метра под землю.

Вслух никто ничего не сказал, однако, переглянувшись, друзья поняли друг друга без слов.

Люди не врали. Напоказ вычищенная, центральная аллея кладбища действительно напоминала выставку профессиональных скульпторов как минимум государственного масштаба.

Скорбящие, словно живые, ангелы; монументальные памятники; целые мемориальные комплексы из полированного гранита; бронзовые изваяния; вдумчивого дизайна кресты. И неизменные даты рождения и смерти на разномаст-

ных табличках. Подсознательно Иванов принялся высчитывать, кому сколько было отпущено на этом свете.

Получалось по-разному. Одним – слишком мало, другим... да тоже мало. Просто больше, чем первым. Что бы люди не говорили, но умирать не хочет никто, ни при каких обстоятельствах. Все хотят жить, и как можно дольше. Поэтому жизни всегда не хватает.

– Красиво, – задумчиво протянул Швец. – Где ещё на такое посмотришь? Разве что в музее, но там всё воспринимается как-то проще, скептичнее, мимоходом. Глянул – и забыл, шаг – и следующий экспонат. Одно плохо. Долго тут не погуляешь. Давит.

Сергей был полностью согласен с другом. Царящая вокруг атмосфера скорби начинала действовать на нервы и он уже втайне успел пожалеть о том, что предложил эту прогулку.

Неподалёку зазвучал очередной оркестр. Торжественно, мрачно, со знанием дела. Видать, чья-то родня рвала шаблоны, раскошелившись на более-менее приличных музыкантов.

– Посмотри, – Антон сосредоточенно всматривался куда-то в сторону, туда, где располагались вторая, третья и так далее линии могил. – Никогда бы не подумал...

Заинтересовавшись, Иванов проследил за взглядом друга и почти сразу заметил вдалеке нечто белое, с желтизной. Из-за высоченных, гораздо выше человеческого роста, памятников в изобилии расставленных на соседних, не менее пре-

стижных аллеях, нормально разглядеть ничего не получалось. Явно статуя... Виднелась лишь рука с букетиком цветов и немного верха головы с накинутым на неё покровом.

– Пойдём, посмотрим, – шёпотом, точно мог спугнуть здешних обитателей, предложил Сергей.

– Угу, – отозвался Швец, поворачивая к небольшому, узкому проходу между двумя коваными оградками, ведущему как раз в нужную сторону.

Привлекшая напарников статуя оказалась на третьей линии от центральной аллеи и разительно выделялась среди прочих надгробий, к слову, тоже изысканной работы и изящества.

Это была созданная, именно созданная, а не вытесанная или сваянная, из белого мрамора женщина. В полный рост, худощавая, пожилая, в простеньком платье и туфлях-лодочках. На голове точно платок накинута. Невесомый, чуть трепещущийся складками на мнимом ветру. В правой руке – полуопущенный букет, левая просто расслабленно смотрит вниз. Взгляд направлен на собственные ноги, точно она смутилась. Издалека казалось: позови – и щёки статуи порозовеют, словно у живой.

Инспекторы при виде такой красоты напрочь позабыли о своих намерениях уйти и не смогли отказать себе в удовольствии рассмотреть истинное произведение искусства поближе, во всех подробностях, однако шедший первым Антон внезапно остановился, как вкопанный. Сергей едва

не влетел ему в спину.

До памятника оставалось метров двадцать.

– Ты чего? – возмутился Иванов.

– Там человек, – негромко сообщил напарник, взглядом указывая на заинтересовавшую их могилу.

У края площадки со статуей действительно стояла невысокая, худощавая женщина в тёмном, по фигуре, пальто, изящных туфельках и широкополой шляпке.

Неизвестная выглядела очень ухоженно, дорого, во всём её виде ощущался то самый, непоказной лоск, который не купить никакими деньгами – его можно или иметь от рождения, или добиться годами оттачиваемых манер и жестов.

Наиболее точно незнакомку можно было описать всего двумя эпитетами: холёная и породистая.

Подчёркивали такие выводы и её гордая осанка, и волевое, весьма симпатичное лицо из разряда «вне времени» – гладкое, без единой морщинки, с явно профессиональным макияжем; и чуть презрительно скошенные уголки губ.

– Меня ищите? – проскрипело у инспекторов за спинами, заставив обоих вздрогнуть.

Резко развернувшись, они увидели знакомого беса, невесть когда вселившегося в кладбищенского пропойцу и с тех пор паразитирующего на человеческих страданиях в этом «сладком» месте.

По своему обычаю он был небрит, неряшлив, с устойчивым перегаром дешёвой сивухи, которую потреблял без ме-

ры.

– Да, – бросил Сергей. – Отойдём? Дело есть.

От последних слов выходец из Ада заметно напрягся, однако убежать или совершать ещё какие глупости не стал, вялым взмахом руки пригласив следовать за собой.

Дойдя до сторожки, бес тоскливо, не глядя в глаза, поинтересовался:

– Ну что ещё?

– Вот, – в руки ему ткнулся пакет со спиртным. – Мы тебе за помощь... – Иванов замялся, не зная, как правильно поблагодарить того, кого по должностной инструкции обязан развоплощать и всячески гнобить. – Э-э-э... ну, в общем, спасибо. Ты тогда, с тем малолеткой отмороженным, здорово помог. Понимаю – деньги у тебя есть, и приказ ты выполнял, и не в бухле дело, но знаешь, захотелось... чтобы по-человечески.

Бес открыл пакет, достал бутылку, посмотрел зачем-то через неё на свет. После спрятал.

– Я понял, что ты хочешь мне сказать, – совершенно неподходящим к его образу, густым, сочным баритоном ответил он. – Не знаю, как и реагировать... Никогда в такие глупые ситуации не попадал.

– Да никак не реагируй, – вмешался Швец, которому надоело тут стоять и смотреть, как эти двое неуклюже подбирают слова. – Мы пришли тебе «Спасибо» сказать. Мы сказали. Дальше сам решай, что тебе с этим, – палец призрака

ткнул в пакет, – делать. Хочешь – выпей, хочешь – вылей. Никто тебя не вербует и ни на что не толкает.

– Хам ты, – с чувством ответил бес, перекладывая в очередной раз звякнувший пакет из одной руки в другую. – Поэтому...

В это время ранее виденная незнакомка вышла из кладбищенских ворот и ожидаемо направилось к Мерседесу. Из салона выскочил водитель в приличном костюме, оббежал машину и распахнул перед ней дверь. Та села внутрь, не удостоив его даже кивком благодарности. Словно пустое место, а не человек перед ней был.

Антон, не желая дослушивать, что там ему собрался высказать бес, с любопытством поинтересовался:

– А кто это? Видел – у памятника стояла. Даже боюсь подумать, сколько такая красота стоит. Олигарша.. хиня... не знаю, как правильно «олигарх» в женском роде произносить.

– Это? – зачем-то переспросил выходец из Ада, недовольно поглядывая на Швеца. – Это – Солодянкина Виктория Егоровна. Бизнес-леди. А памятник, к которому она ругаться приезжала – её матери. Солодянкиной Марье Павловне.

– Ругаться? – не скрывая удивления, уточнил Сергей, тоже не отводивший взгляда от шикарного автомобиля, который как раз закончил разворачиваться и начал стремительно набирать скорость, мягко шурша шинами по асфальту.

– Ага. Именно ругаться. Она каждую неделю приезжа-

ет по разу, а то и по два. Поначалу проклинала мать, потом молила о прощении, но так... один хрен на крик срывалась, – с готовностью ответил бес прежним голосом пропойцы. Похоже, удивление неординарным поступком сотрудников Департамента Управления Душами прошло, и он вернулся в привычный образ. – Теперь придёт к могилке, встанет с краю и шипит, точно гадюка. Требуется отпустить.

– Ничего не понял, – честно признался Швецу. – Ругается? Требуется? От мёртвой?

– Именно так! Тут её историю все наши знают. Проклятая она. Думает – матерью.

Выставив вперёд ладонь, Иванов призвал всех к молчанию и вызвал такси. Терпеливо объяснив молоденькой девушке-оператору, явно новенькой, что въезд в городское кладбище адрес если и имеет, то почему-то таблички с указанием улиц и номера нет, напоследок в сердцах бросил:

– Да просто передайте заказ любому свободному водиле! Сюда дорогу все знают... Вы не знаете?.. Ничего, какие ваши годы. Познакомитесь, когда время придёт!.. Нет, я с вами не ругаюсь... Да... – после, отключив смартфон, сообщил Швецу. – Убедил эту дуру. Машина выехала, но придётся подождать, – и уже к бесу. – Что за история?

Тот, явно настраиваясь на долгий монолог, поставил пакет на порог сторожки, извлёк пачку дешёвых сигарет, неспешно закурил, пуская вверх желтоватый, мутный дым и неторопливо начал:

– Вика по молодости девка-оторва была. Это сейчас она важная, кручёная, а тогда... Дура дурой. С четырнадцати лет из дома убежала, по подворотням чернила лакала...

– Чернила? – переспросил Сергей.

– Дешёвый портвейн, – подал голос Швец. – Три топора там, или Агдам какой. Бормотуха, короче. Шмурдяк.

– Да-да, – подтвердил кладбищенский алкаш. – Они самые. Дрянь несусветная. И курила, и... в общем, заставила мамашу поседеть раньше времени. Папки у неё не было – потому без ремня родительского росла. В шестнадцать вроде как все деньги из дома украла и мотанула на юга. Естественно – родне ничего не сказала. Когда вернулась, лет через пять... или шесть... – бес неуверенно почесал в затылке, пытаясь припомнить точный срок. Не смог, цыкнул зубом, показывая слушателям, что достоверность дат в повествовании значения не имеет, сплюнул. – Короче, приехала – а мать в больнице. При смерти. Сердце больное у неё было. Пошла Вика к ней – и опять погрызлась. За квартиру. Отобрала ключи, да и загуляла. Плотно так загуляла. А мать ещё немножко пожила – и скопытилась. С дочкой они больше не виделись.

Рассказчику явно нравилась смаковать эту историю, потому он регулярно делал театральные паузы, давая, как ему казалось, слушателям насладиться подробностями.

– Так вот, – продолжал бес. – Не знаю, что на беспутную нашло, а только Вика явно дала кому надо, попыхтела, как

положено, и выбила маман престижное место на нашем кладбище. Сами видели... Памятник железный, копеечный поставила, без ограды – денег-то у неё тогда не водилось особо. На том и успокоилась, и дорожку сюда позабыла... Раз в год только заскакивала, в поминальный день. Без цветов, без веночка – так, отметить... Мы ей и место предлагали продать, и мамку перезахоронить – место ведь хорошее, состоятельные люди вокруг, и её непотребство жестяное... Ни в какую! Из вредности упиралась, назло всем! Вы не представляете, сколько богатого народу нам в те годочки пришлось отваживать – вспомнить страшно! Все же думали – пустует место, а памятник дешёвый – кто-то на будущее зарезервировал. Здесь это модное дело – могилку заранее присматривать.

Про тонкости кладбищенского бизнеса оба инспектора имели вполне достойное представление, а потому понимающе закивали головами. Антон угостился сигаретой из Серёгиной пачки, с умным видом протянув:

– Биография у тётки, пока, скажу честно, так себе. Сколько их, молодых да тупорылых...

– Кто спорит? – выходец из Ада не пожелал развивать тему подрастающего поколения, однако заметил. – Солодянкина – исключение. Не знаю, как, но где-то она ума набралась, в бизнес влезла, быстро в гору пошла. Замуж выскочила за какого-то богатея, дочку родила. Вот только счастья у неё не было. Муж, с которым вроде как у них даже любовь

имелась – умер, дом сгорел, бандиты большую часть денег отжали, дочка с малолетства на неё волчонком глядела. Тогда баба окончательно и оледенела. Работала как три мужика, с утра и до утра. По головам шла. Дом отстроила новый; офис в самом центре забабахала – в два этажа, красивый, с колоннами, из красного кирпича, под старину – другого такого в городе нет, сплошь пилястры да лепка; мелкую свою в Англию определила, в закрытый пансион, дела развернула пуще прежнего. Но не осталось у неё ни друзей, ни подруг, ни даже родственников. Со всеми переругалась. Злющая стала... И вот как-то Вика, горюя о своей бабьей доле...

– Путаешься ты, – недоверчиво обозначил свою позицию Антон. – То она прямо железная леди, то одинокая домохозяйка с кучей нереализованных мечтаний.

Бес усмехнулся.

– Одно другому не мешает. Любой женщине хочется и заботы, и ласки, и нормальную семью, что бы она из себя не корчила. Природа у них такая. Странно, что я тебе это объясняю, – добавил он, с укоризной поглядывая на инспектора-призрака. – В общем, пошла Вика к гадалке. Та ей и сказала, что она проклята.

– И поверила? – задал вопрос Иванов.

– Не знаю, – честно ответил рассказчик. – Наверное, нет. Только потом эта самая бизнес-леди уже и к ведьмам ходила, да не тем, из газетки с объявлениями, а к настоящим. Те подтвердили.

История начала приобретать несколько иные краски, чем казалось изначально. Ни Иванов, ни Швец и предположить не могли, что обычный, направленный на скрашивание ожидания такси рассказ зацепит их профессиональные темы.

– А дальше?

– Да ничего особо... Вику переклинило, что это её мама-ша перед смертью наградила – несчастной быть. Сразу про могилку вспомнила, памятник отгрохала. Всё помириться хочет. Но характер противный не даёт. Привыкла командовать – по-другому ни с кем общаться уже не может. Только рыком.

Однако Сергея беспокоило другое.

– Ведьмы не смогли проклятие убрать? Почему? Может, она и не проклята?

– Проклята, – развеял сомнения выходец из Ада. – Точно тебе говорю. Я в этих материях разбираюсь. Дело в другом. Солодянкиной ведь результат сразу подавай, с гарантией в триста процентов. Кому оно надо, с ней связываться? Через десять лет случайно любимую тарелочку грохнет – и сразу из ведьмы специальные ребята дух вышибут. Решит, что обманула. Не-ет, – растягивая слова, закончил нечистый. – Правильно они делают, что с этой Викторией Егоровной не связываются. Себе дороже выйдет. Она же потом не отстанет. Человек такой – в окружающих исключительно ступеньки к своему светлому будущему видит, всех под себя ломает. Ну и Яга здешняя – бабка опытная. Прежде

чем с кем-то спутаться – долго его подноготную выясняет, чтобы по незнанию в дерьмо не вляпаться. Этому и своих колдуний учит. В общем, может, кто со стороны и пробовал, но результатов точно нет.

– Почему ты так думаешь? – Швец от нечего делать продолжал интересоваться судьбой женщины.

– Дочка из Англии не возвращается, по телефону с ней не разговаривает – один, – начал загибать пальцы бес. – К матери не прекращает приезжать, на жизнь жаловаться – это два. Готова за любой знак прощения миллион заплатить – это три.

– Миллион? Вот прямо так и сказала? Во всеуслышание? – рассмеялся Швец.

Пьянчуга обиделся. Одёрнул штаны, засопел.

– Не во всеуслышание. Когда у могилки стояла – говорила, миллион бы отдала, только бы понять, за что с ней так и как дело поправить. Я там был неподалёку, своими ушами слышал.

– Ну а в церковь сходить, замолить попробовать? – спросил, казалось бы, очевидное, Швец.

От такой наивности бес долго не мог прийти в себя. Хотал.

– Кто? Эта? В церковь? Ой, уморил... В ней вера если и есть – то только в саму себя и в цифры с нулями. Ей что храм, что баня – без разницы.

Подъехало такси. Сергей засобирался.

– Тоха! Ты со мной?

Швец отвлёкся от беса, беспечно поинтересовавшись:

– А ты куда сейчас?

– В маркет у дома. Продуктами затариться велено. Потом – предлагаю у меня посидеть, по пивку пропустить.

Предложение заинтересовало призрака, он даже заволновался, при этом делано-небрежно бросив:

– По пивку, говоришь? Ну, это можно...

Наскоро простившись, инспекторы поспешили к ожидающему такси. Уже у самого автомобиля Сергея неожиданно окликнул бес:

– Я... это... спасибо, в общем...

Покупок набралось изрядно. Друзья и сами не поняли, как это произошло, однако заранее прихваченные продуктовые корзины быстро переполнились, не оставив места для вожаделенного пива. Пришлось брать ещё одну.

Дойдя до кассы и с облегчением вывалив товары на транспортёрную ленту, Иванов, не дожидаясь стандартного вопроса кассира, бросил:

– Нам три пакета, пожалуйста, – и получив желаемое, принялся складывать отсканированные упаковки. Швец помогал.

Дождавшись, пока огласят конечную сумму и уже протянув для оплаты банковскую карту, Сергей неожиданно хлопнул себя по лбу и воскликнул:

– А сигареты?!

– Точно, – подхватил напарник. – Блок дайте.

Пока кассир ходила за требуемым, пока принесла – инспекторы закончили раскладывать покупки по пакетам. Иванов снова протянул карту для оплаты, однако терминал решил показать свой электронный норов – транзакция повисла.

– Придётся подождать, – равнодушно сообщила сотрудница магазина, привычно усаживаясь на своё место и положив упаковку с куревом рядом с пакетами.

Оставив кредитку на пластиковой подставке для сдачи, Иванов принялся смотреть на «думающий» экранчик, ожидая, пока безнальная приبلуда соизволит выполнить свою работу.

Стоящие за инспекторами люди заозирались, с недовольством посматривая на соседние кассы, где другие покупатели спокойно, без задержек оплачивали необходимое и бодро шли к выходу.

Пауза затягивалась.

– Может, наличкой? – не выдержав, поинтересовался Иванов, которому надоело ждать.

– Погодите, – скучно ответила кассир. – Возможно, деньги списались.

И в подтверждение её слов терминал начал медленно, с лёгким потрескиванием, выдавать чек.

Довольный окончанием всей этой возни инспектор бодро

подхватил пакеты и направился к дверям.

– А карточка? – донеслось ему вслед. – А сигареты?

– Чёрт... забыл, – обернувшись, виновато улыбнулся инспектор. – Тоха, захвати!

В руки призрака немедленно ткнулись картонная коробка с известным всему курящему миру логотипом и пластиковый прямоугольничек со знаком банка. Тот автоматически взял.

– Пошли! – позвал Сергей друга, устремляясь к выходу.

Швец поспешил следом.

Уже на улице он деловито протянул кредитку владельцу.

– На! Маша-растеряша...

Однако напарник и не подумал забирать своё имущество. Вместо этого он ошалело уставился на призрака, отошёл к стене маркета, чтобы не мешать прохожим, осторожно поставил пакеты на асфальт, ни мало не заботясь их последующей чистотой и уточнил:

– С тобой всё в порядке?

– Да, а что случилось? – не понял Швец.

Ничего не объясняя, Иванов потребовал:

– Дай карточку.

Антон отдал.

– Теперь возьми.

Он взял, недоумённо уставившись на коллегу.

– Отдай, – не унимался тот.

– Да ты задолбал! – разозлился ничего не понимающий

напарник. – Тебе что, делать нечего?!

Ответом ему стала довольная физиономия друга.

– Баг, – загадочно вымолвил он, наконец-то забирая пластиковое платёжное средство и убирая его в бумажник. – Пляши!

– Подробнее, – насторожился Швец. – С какой радости я плясать обязан? И при чём тут жук? Ты по-английски шпрехать решил?

– Нет. Баг – это на сленге программистов ошибка в системе. Тебе же до денег дотрагиваться нельзя?

– Да...

– А ты сейчас до них и не дотрагивался, но держал в руках. На электронные расчёты твои ограничения не работают, понимаешь?! Тут, главное, чтобы не узнал никто. Иначе закроют лазейку.

Антон соображал быстро, округляя от удивления глаза.

– И верно... Дай денежку! Проверим, вдруг запрет вообще сняли, а я хожу как дурак и ни шиша не знаю!

– Держи.

В руки призрака немедленно ткнулась сложенная пополам купюра. Тот аккуратно, кончиками пальцев, прикоснулся к ней и мгновенно отдернул руку, изо всех сил дуя на обожжённые подушечки.

– Не сняли, – глубокомысленно заключил Сергей, с сочувствием глядя на скривившегося от боли друга.

– Плевать, – кривя рот в улыбке, выдал Швец. – Зато те-

перь... теперь... Я так об этом мечтал...

Дальше он продолжить не смог, распираемый изнутри перспективами открывающихся возможностей.

Зато Иванов сразу перешёл к рациональному образу мыслей:

– Счёт в банке мы тебе откроем. Я туда денег переведу. Смартфон нормальный возьмём, онлайн-банкинг поставим. И как я раньше до этого не додумался?.. А вот как от Фрола Карповича такое новшество спрятать? Тоха, смотри, сразу в загул не ударяйся! Погоришь...

Напарник кивал головой в такт рассуждениям, однако, судя по затуманившемуся взору, мыслями он был где-то далеко.

– Тоха! – вернул его в реальность голос Сергея. – Ты чего!

– Миллион! – выдохнул призрак. – Мил-ли-он! Лям!

– Какой миллион? – не сообразил Иванов.

– Солодянкиной! – победно произнёс друг, весело поглядывая из-под стёкол очков. – Тот самый, о котором бес упоминал! У которой офис в центре!

Частички пазла враз сложились в стройную картину.

– Не дури! Пошли ко мне, обсудим сначала! – предчувствуя нечто нехорошее, инспектор попробовал сбить бестолковый задор Швеца. – Ты ещё вспомни, что именно он о той тётке говорил! Что злая и вредная! Не лезь, не подумав!

Но призрак, сунув захваченный в магазине блок сигарет в руки друга и совершенно позабыв про обещанное пиво,

уже растворился в воздухе напоследок возбуждённо, точно волшебное слово, сладко прошептал:

– Лям!..

Антон объявился вечером. Растерянный, злой, нервный. Ничего не объясняя, с порога заорал:

– Быстрее! Пошли!

– Куда пошли? – ошалело спросил Серёга. – Что случилось?

Видя такое непонимание, призрак буквально взвыл от досады.

– Её убьют! Скорее! После объясню!

Последняя фраза подействовала. Иванов бросился в комнату и торопливо принялся одеваться, коротко бросив:

– Рассказывай. Не пори горячку.

Перепуганная такой экспрессией гостя домовая принесла топчущемуся в коридоре Швецу табуретку, осторожно поставила, ласково попросив:

– Сядь, пожалуйста. Не стой на пороге. Примета плохая. Точно тебе говорю.

Возбуждённый призрак хотел было возмутиться таким непониманием всей важности момента, однако, глядя на переодевающегося друга, лишь махнул рукой и обессиленно плюхнулся на пятую точку.

– Я... это... я... – немного бессвязно начал он, не в силах побороть в себе эмоции. – С начала начну... Я после мага-

зина в офис направился, ну, тот, про который бес говорил. Нашёл быстро. Красивый домик... ни с чем не спутаешь. Зашёл внутрь. Кроме охраны – никого. Сначала расстроился, а потом допёр – выходной же! Суббота! Походил, посмотрел, в кабинете этой самой Солодянкиной побывал. Богато баба живёт. Дорого. Одни часы в углу на экспонат Третьяковки без проблем потянут. Пока глазел – она и приехала. С охраной, как положено. Зашла в кабинет, взяла из сейфа какую-то папку с бумагами и обратно, к машине направилась. Присмотрелся – точно, аура с дерьмецом. Проклятая, но врать не буду – не сильно. Так... Вопрос жизни и смерти не стоит. Тогда я – за ней. Сел тихонечко на соседнее место, думаю: «Не заметит». У неё в Мерседесе сиденья точно диваны, как в правительственном лимузине, да и вообще, просторно – хоть с конём гуляй. Бар есть, телевизор...

Увлечённо копаясь в платяном шкафу, уже скинувший домашнее Иванов для краткости оборвал приятеля.

– Понятно. Ты за ней следом увязался. Дальше что?

– Домой к ней приехали, – на такую невежливую реакцию друга Швец решил не обижаться. Он и сам знал за собой склонность скатываться в малоинтересные подробности. В другое время – может быть и обиделся бы. Из вредности. Но сегодня – не тот случай. Собравшись, продолжил. – В доме, кроме неё и прислуги, больше никого не было. Тётка сразу в кабинет. Засела за бумажки, не переодеваясь. Несколько раз звонила кому-то, уточняла что-то по бизнесу. Как я по-

нял – у неё тендер крупный на носу, а тут какие-то нюансы вылезли, вот и решила внеурочно потрудиться. Горничная почти сразу свалила на кухню, к поварам, чтобы на глаза не показываться. Хозяйка ей прямо с порога выволочку устроила. Просто так, на ровном месте придралась за несимметрично висящие занавески. Я бы и не заметил – там почти не видно...

Не удержавшись, в разговор влилась Маша:

– Это потому что невнимательный! – поучительно заявила она. – Тебе без разницы, как висят занавески, да и есть ли они, а вот настоящей хозяйке – нет.

На это замечание призрак отреагировал вяло:

– Кто спорит? Но орать матом – это, извини...

От такого уточнения девушка стушевалась.

– Да, нельзя так... – и замолчала, давая гостю говорить дальше.

Антон, с нетерпением посматривая на медленно, по его мнению, собирающегося напарника, продолжил:

– Когда Солодянкина с бумажками покончила – я взял и появился. До этого ведь невидимым был, – счёл он нужным пояснить и так понятный факт. – Не в своей личности, конечно. Стариком прикинулся. Таким... Как Карл Маркс, только не в костюме-тройке, а специальную хламиду придумал, похожую на монашескую. Получилось классно. И сходку зарядил ей про то, что она проклята и могу помочь. Про деньги, – предвидя закономерный вопрос, уточнил Швец, –

и не заикался. Так, намекнул, что готов принять вознаграждение от чистого сердца по факту выполнения работ. Тётка – ноль эмоций. словно ей чудотворные старики каждый день посреди кабинета являются. Сидит, смотрит... а после и говорит: «Ну, давай попробуем...». Посмотрели... Проклятие я быстро нашёл. Не поверите, где и какое!

Театральной паузы у призрака не получилось – его снова поторопил напарник.

– Не тяни.

Вздыхнув от огорчения за свои недооценённые способности артиста разговорного жанра, Антон признался:

– Пониже пупка. Я Печатью водил-водил, и в районе... к-гм.. трусов чувствую – нехорошее что-то. Потребовал показать. Солодянкина сначала не поверила, думала – издеваюсь, однако я настоял. Когда точное место пальцем указал – согласилась. Больше скажу! Забеспокоилась! – повысил голос Швец с таким видом, будто присутствующим этот нюанс должен был многое объяснить.

Иванов с Машей переглянулись. Пожали плечами.

– И? – озвучил общее мнение парень.

– Татуировка! – торжественно встав с табурета, провозгласил рассказчик голосом диктора Левитана. – Проклятие в татуировке оказалось! Давным-давно тётка партак набила. Ещё во времена лихой юности. Ласточку. Дрянь, кстати, работа, – усевшись обратно, выразил он своё личное мнение. – Из тех, что малолетки цыганской иглой в кустах быют.

Кривая и в одном месте с маленьким пробелом. Одно достоинство – небольшая. Тётка так-то из себя ухоженная, шкурка гладенькая, лавандой попахивает, потому такая корявка на ней как рояль в кустах смотрится. Пока она удивлялась – я ей и предложил вывести партак в косметологическом центре. Полностью. Шрам, конечно, останется, ну ничего страшного. Тоналкой замажет или новую татуху сделает, у мастера... А через недельку встретиться запланировали. Посмотреть – что и как. Если сработало – то она мне жертвует. Если нет – думать дальше. Ну и время проверить – утрясётся у неё в личной жизни или нет, тоже ведь нужно.

– Погоди, – остановил словесный поток друга Иванов. – Про проклятие давай в подробностях.

– Ты одевайся быстрее, – посоветовал призрак. – А наколки – с ними просто. Тот, кто делал – или слова, пропитанные ненавистью, нашептал, или что-то в тушь измельчил и добавил. Принцип тот же, что и у записок в подушках, которые молодожёнам дарят. Нацарапают гадость на бумажке или наплюют в перья, зашьют – и «Совет да Любовь вам, живите долго и счастливо». Неужели не слышал?

Машка подтвердила:

– Сплошь и рядом. Мы, домовые, всегда все подарки на описанные Антошей гадости проверяем. Чего только не находим... Самое удивительное – почти всегда эти мерзости делают те, на кого никогда и не подумаешь! Смотришь – нормальный с виду человек, а в душе у него злоба чёрная.

Всю жизнь ищет повод отомстить за старые обиды. Все уже и позабыть успели – в чём дело. А он – помнит. И ждёт своего часа.

– Не знал... – протянул Сергей. – Но тогда бы от проклятых деваться некуда было! У нас все кого-то ненавидят!

Вместо Антона ответила кицунэ.

– Так и проклятия такие... в девяноста девяти случаях из ста – незаметные, слабенькие, к человеку не пристают. Редко когда злоумышленник заморочится и всё по уму делает. К колдунье ходит или по-иному узнает, как правильно. С татуировкой, как мне кажется, сложнее. Там же кровь участвует, опять же – игла, синоним боли, используется.

– Тогда кто кого убивает? – уже натягивая свитер, вернулся к основной теме Иванов. – Пока дело выеденного яйца не стоит.

От упоминания про смерть Швеца передёрнуло. Он посерьёзней, деловито перехватив у домовой инициативу в беседе:

– А вот тут самое важное и начинается. Я, когда обо всём договорились, снова невидимым стал, но из дома не ушёл. Там картин много по стенам, и в комнатах, и в коридорах. Всякие малые голландцы и прерафаэлиты в изобилии представлены. Решил посмотреть. Реально шикарно люди рисовали! У тётки денег – по всему видать, куры не клюют, такую галерею вот так, запросто, держать. Буржуйка, одно слово! Не знаю, сколько прошло – на часы не смотрел, но не долго,

слышу – Солодянкина с кем-то по телефону говорит. К себе вызывает, да нервно так! Дом пустой, слышимость хорошая... Решил подождать. Через полчаса к ней мужик заявился. В гражданском, но с выправкой и взгляд такой... – он потёр палец о палец, подбирая правильную ассоциацию. – Рыбий. Холодный. У нас так КГБшники смотрели, когда на взятках коллег ловили. Прошёл, значит, этот гражданин к ней в кабинет. А она ему и говорит: «Вот адрес. Раньше там жила женщина. Её нужно найти и поинтересоваться, не делала ли она мне гадости в прошлом». Мужик, значит, уточняет: «Какие именно?» И тут тётка как взвилась, завизжала: «Любые! Про все спрашивай! Особенно про пожелания добра и радости!» Тот, судя по роже, мало чего понял, но к исполнению принял. Лишь напоследок спросил: «Потом?»

Дальше Швец говорить не стал. Сидел, глядя в пол и покусывая верхнюю губу. Его не торопили. Сергей заканчивал свои сборы и уже рассовывал по карманам разную мелочь.

– Убрать, если хоть что-то подтвердится, – глухо выдал призрак. – Именно так Виктория Егоровна пожелала. Я тогда обалдел, если честно. Благо, успел адрес и данные неизвестной запомнить. Она их вслух произнесла. После ухода рыбоглазого Солодянкина, знаете, с этакой победной улыбочкой, сама себе сказала: «Попляшешь ты у меня, подруженька-одноклассница. Ой, попляшешь...» Я перепугался, если честно... снова проявился, пугать начал новым проклятием. Ка-

рами всякими... Образумить хотел.

– А она?!

– Смеялась. Говорила, что переживёт. Раз можно одно проклятие снять – значит, можно и второе, и что её душа – не моё собачье дело. Мол, если я свои деньги отработал – то могу не переживать. Не кинет. Потом, как с горничной... матом послала и пообещала ноги оборвать, если наглеть стану или вякну где об услышанном. Серьёзно пообещала, уверенно. Знаешь, мне показалось – тётка искренне была рада такому развитию событий. В ней словно на спусковой крючок нажали. Вся энергичная, деятельная, прямо с приплясом ходила. И всё из-за меня, идиота инициативного... Я от неё сразу в городской инфоцентр перенёсся, данные старой подруги проверил. Адрес тот же, только фамилию изменила. Наверное, замуж вышла, или фамилию мужа на память оставила... Забавно получается. Можно так, а можно эдак... Солодянкина, со слов беса, тоже штамп в паспорте имела, а фамилия – девичья.

Не давая впасть другу в очередную задумчивость, Иванов попытался взбодрить его:

– Ловко придумал. С твоей невидимостью нам, в определённом смысле, повезло. Не нужно выдумывать, через кого запрос на человека сделать.

Швец печально улыбнулся, оценив попытку друга подбодрить его.

– Хоть какая-то от меня польза...

Однако Сергей не стал развивать эту тему. Почесал в затылке, потом спросил, обуваясь:

– Выводы?

– Выводы? Выводы... – медленно пробормотал Антон. – Самые примитивные. Похоже, татуировка связана с какими-то личными событиями. Потому и поверила буржуйка в них сразу. Грешила на мать, однако моя болтовня всколыхнула нечто старое, позабытое. Ну или к месту пришлось... На всякое сверхъестественное она класть хотела, поверь. Думаю, пугать её по ночам или взывать к совести – дело дохлое. Посмеётся, ещё и гостей позовёт поразвлечься. Как с ней быть – не знаю.

Обдумав слова Швеца, Иванов решил не согласиться:

– Цирк получается. Возникает некто старенький из воздуха, показывает пальцем на древнюю татуху, и сразу такие крайности? Слабо верится, ты уж извини. Тётка, судя по твоему описанию и рассказу беса, материалистка до мозга костей, ей одного невнятного видения однозначно мало. Нужны гарантии, результат... Она ведь тебе даже не заплатила, как я понял?

От последнего замечания призрак отмахнулся.

– Не в деньгах дело. Сам знаешь – задумай она меня кинуть – я ей и отомстить не смогу. Нельзя нам за нашу работу деньги брать. Александрос с опричниками в миг ласты скрутят. Тут расчёт был на «авось» и психологический эффект. Блеф, одним словом, – грустная усмешка промелькну-

ла по лицу Антона. – Дадут – хорошо. Не дадут – придётся утереться.

– Поехали, – скомандовал Иванов, натягивая куртку. – Посмотрим, что это за тату-мастер...

Пока добирались на другой конец города, где находился нужный адрес, оба инспектора обдумывали ответ на самый актуальный вопрос: «Что делать с этой Солодынкиной?»

С женщиной, казалось, разобраться будет просто. Помашут Печатями, нагонят официальной жути и отправят её куда-нибудь к знакомым или родственникам на несколько дней, пока страсти не улягутся и кому надо не узнают, что за ней тоже непростые люди стоят. А что потом?

Вечно подружка из далёкой молодости скрываться не будет, рано или поздно вернётся домой. Да и они рядом всегда быть не смогут. Потому нужно решение. Причём кардинальное.

– Может, беса в неё вселить? Как с тем заморышем? – озвучил наиболее напрашивающуюся идею Сергей.

Антон подхватил тут же, словно уже довольно давно вёл с другом бессловесный диалог.

– Нет. Там личность сильная. Она этого беса сама сожрёт на завтрак или в бараний рог скрутит – по настроению. Была бы она алкашка или размазня – тогда, да... – и перешёл на несколько иную тему. – Ты заметил, чем богаче люди, тем чаще к ним... всякое нехорошее тянется. Вот смотри: Вик-

тория Егоровна нынешняя; тот мальчонка, людей посбивавший – богатенький сынок; утырки, которые зверюшек перед камерой пытали – тоже ведь не бомжи; Анна Павловна, которая жильё у старичков отжимала – не бедствовала. Неужели из-за их денег?

На столь философский вопрос Иванов ответил не сразу. Сам об этом много думал и к конкретным выводам не пришёл.

– Помню я их... Не знаю. На одни доходы всё валить глупо. Скорее, избыток денежных масс высвобождает в людях то, о чём они и помыслить не смели ранее. Но это не точно. Вспомни утренние сводки по службе. Пролетариат не хуже номера откалывает. И мокрухи, и грабежи, и такое, что ни на что не натянешь. Скорее богатые... на виду. И всегда в окружении врагов и завистников. Ты среди них хоть одного мецената в наши дни видел? Настоящего, а не предвыборного? Я – нет. Просто потому, что очень сложно свои, кровно заработанные или украденные – не важно, вот так взять и отдать. А ещё в их мире все постоянно друг друга сожрать норовят. Это тебе не завод – где смену отпахал и гори он синим пламенем, это – битва за своё, причём, зачастую, своим одно и то же считают абсолютно разные люди. Плюс характеры у них явно творческие и беспринципные – иначе бы и не разбогатели. Простые люди – они потому, в большинстве, и простые, что вся их жизнь: работа-дом, дом-работа. По выходным – дача. Раз в год – море. Они не подличают,

не интригуют. Понятное дело, и среди них ублюдков полно, вот только ублюдки эти редко развернуться могут. На бытовом уровне всё, зато много. Так что дело не в деньгах, а в людях.

Подытожив столь невесёлые рассуждения, инспектор удручённо спросил:

– Ты с этой бабой общался. Мнение себе сделал. Как, по-твоему, её можно остановить?

– Пулей, – уверенно отозвался Антон. – Первое впечатление именно такое. Ни черта не боится. Слабые места если и имеет – то хорошо прячет. Тот ещё ящик Пандоры я вскрыл... Память бы ей стереть, да Фрол Карпович, боюсь, на это не пойдёт. Зато мне по самое не балуйся выплёт...

Иванов промолчал. Последнее идея Швеца выглядела слишком заманчивой и слишком опасной в реализации. Он пробовал, знает...

И ещё инспектор не стал озвучивать вертевшуюся на языке колкость: «А если бы у тётки денег не было – пусть пропадает?». Понимал – это низко. Не было у Тохи в голове ничего такого... коммерциализированного. Просто кореш о таком варианте даже не подумал. Хотел честно подзаработать – и не больше.

О том, чтобы отмазаться от складывающейся ситуации, к которой он не имеет никакого отношения – Сергею и в голову не пришло. Другьям нужно помогать, во что бы они ни вляпались.

Разговор не клеился, дальше ехали молча.

Уже у самого дома – типовой панельной девятиэтажки, затерявшейся среди таких же серых человекников в одном из отдалённых районов города, парень, наконец, решился сказать очевидное:

– Мы в дерьме. Надо шефу сдаваться. Просить, чтобы помог разругать. Полиция не вариант – предъявить нечего...

В ответ Швец лишь горестно кивнул, признавая неприятную, но такую очевидную истину. Однако не удержался, добавил:

– Только давай для начала утра дождёмся. Может, и придумаем что. Ну не полезут же Викины прихвостни среди ночи? Все дома сидят, стены тонкие... Шума не оберёшься. Людей, обычно, с утра отлавливают, на улице.

Короткий взгляд на экран смартфона показал – призрак прав. Половина девятого вечера. Народ сейчас у телевизора пиво пьёт, субботнее шоу смотрит.

Поколебавшись, Иванов согласился. Действительно, вдруг за ночь осенит мудрой мыслью? Ему тоже не слишком хотелось впутывать Фрола Карповича в это мутное дело.

Нужный подъезд отыскался сразу. Оба инспектора великолепно знали планировки всех стандартных многоквартирных домов и не опасались ошибиться. Обычный двор со множеством вкривь и вкось припаркованных автомобилей, старенькая лавка у входа, ведро из-под строительной шпаклёвки в качестве урны. Людей мало. В основном – спешащие,

мало интересующиеся окружающим миром прохожие. Где-то играет музыка, слышны громкие, подвыпившие голоса, смех.

Ещё на подходе Сергей натянул почти до самого носа вязаную шапочку, наклонил голову, чтобы не светить физиономией во всевидящее око видеокамер как системы «Безопасный город», которые недавно закончили расставлять во всех подъездах, так и в частные глазки наиболее озабоченных собственной безопасностью граждан. За одежду он не переживал – тёмная, неброская, без особых примет. Походка у него тоже типовая. Антон последовал его примеру, но своеобразно – стал невидимым.

Они вроде бы ничего плохого не умышляют, однако мало ли...

Возиться с домофоном не пришлось – магнитный замок попросту не работал. Войдя в темноватый из-за экономии электроэнергии подъезд, парень негромко потребовал:

– Данные на женщину дай.

Из ниоткуда раздался шёпот Швеца:

– Валюхина Ирина Дмитриевна. 54 квартира.

Невысоко. Проще пешком добраться. Лифт вызывать – лишнее. Всегда велик шанс нарваться на кого-нибудь из жильцов. Вполне может и глазастый попасться.

... Вечером ходить по этажам всегда интересно. На одном – пахнет жареной картошкой, на другом – рыбой, на третьем – табачным дымом. Обязательно кто-то скандалит, шу-

мит ребёнок. Жизнь бурлит, и при этом всё как-то... вокруг. Сам подъезд пуст, лишь изредка лязгнет замком дверь, да кто-то шумно сделает несколько шагов к лифту.

Сразу подниматься к квартире Сергей не стал. Остановился на межэтажном пролёте, шепнув:

– Осмотрись.

– Угу, – отозвалась в ответ пустота.

Вернулся Швец через пару минут.

– Трёшка. Проживает старая бабка, двое пацанят-подростков и женщина. По фото из базы данных – она. Только постарела. Валюхина на кухне, старушка телек смотрит, детёныши в своей комнате – в смартфоны уткнулись. Живут скромно, похоже, без мужика. Как в адрес заходить будем?

Немного подумав, инспектор решил:

– Без особых страшилок. Просто попросим хозяйку пожить у родни пару-тройку дней в связи... – он покрутил кистью, помогая себе придумать наиболее подходящий аргумент для того, чтобы человек сорвался с места и без лишних вопросов свалил куда-нибудь. – В связи с маньяком, охотящимся на женщин определённого типа. Недавно неизвестный злодей был замечен в этом районе, нападений пока не зафиксировано.

– Как-то совсем уж топорно, – усомнился голос.

– Да пофиг. Зато страшно. Тут дело в убедительности и наглости. Главное – не давать рассусоливать. Иначе начнутся сборы, ненужные рассуждения, переживания, хлопо-

ты. Ну а если не пойдёт – морду кирпичом сделаем и в гостях останемся до утра. Потом – к шефу с повинной. В любом случае, паниковать пока рано. Да, и ещё – ты на глаза не показывайся. Будешь козырной картой в рукаве.

Последний аргумент вызвал натужное сопение.

Не дожидаясь ответа, Иванов спокойно поднялся к серой железной двери с дешёвенькой биркой «54» и нажал кнопку звонка.

Отозвались не сразу. По-видимому, доносящийся даже в подъезд звук работающего телевизора не давал хозяйке сразу расслышать электрическую трель, оповещающую о гостях. Швец уже хотел было сам открыть замок, изнутри, как вдруг из квартиры раздалось недоумевающее:

– Кто там?

– Здравствуйте, – с серьёзным, официальным лицом начал Иванов, понимая, что в этот момент хозяйка смотрит на него в глазок. Мы из... – на руке зажглась Печать. – Откройте.

Слово «пожалуйста» инспектор не употребил намеренно, придавая, таким образом, большую официальность своему визиту.

Погасив служебную метку, он продолжил, не давая женщине опомниться:

– Не волнуйтесь, ничего страшного. Нам просто нужно с вами поговорить.

– В субботу вечером? – недоверчиво раздалось из-за две-

ри.

Пришлось изображать на лице скорбь.

– Это у вас выходной, а у нас – служба.

Но Валюхина не спешила впускать неожиданного гостя, продолжая по обывательской привычке сомневаться в подлинности документов. Как будто настоящие преступники будут специально ради неё такую комедию ломать! Они проще делают: захотят ограбить – в подъезде или на улице со спины по башке чем потяжелее приложат и спокойно открывают дверь хозяйскими ключами. Спектакль с ложными полицейскими – это для серьёзных разбоев придумано, где заранее известно, что деньги у человека есть, причём немалые. Здешним обитателям, судя по словам Антона, такие опасности не грозили.

– Я соседей позову.

– Да на здоровье, – согласился Сергей. – Только тогда нам придётся и им рассказать о цели своего визита.

– А зачем вы пришли?

– Мне прямо в подъезде начинать говорить? К тому же, документов я пока ваших не видел и не могу с точностью утверждать, что вы – гражданка Валюхина.

За дверью замолчали, обдумывая услышанное. Пришлось нагнетать:

– Мне участкового вызвать? Ему поверите?

– Да что случилось-то?! – взвизгнула женщина. – Я ничего не знаю!

– Верю, – не стал спорить инспектор. – Откройте – и я вам всё расскажу. Не переживайте, кроме меня здесь больше никого нет.

Щёлкнул замок, дверь приоткрылась на десяток сантиметров. Из квартиры показалась лицо тётки лет сорока пяти. Без косметики, обрамлённое химической завивкой рыжеватых волос, с чётко обозначившимися морщинами по углам глаз.

– Покажите документы ещё раз, – попросила она.

На правой ладони Иванова снова вспыхнула Печать, а сам он изобразил самую добрую, понимающую улыбку из всех, на которые был способен.

Насмотревшись, Валюхина, поджав тонковатые губы, нерешительно впустила инспектора.

Общение с тёткой заняло полчаса. Собрались все: и её мать-старушка, и двое худых, угловато-длинных в своём переходном возрасте сыновей. Сергей пел соловьём, вещая о злобном маньяке с трудным детством и почти слёзно умолял Ирину Дмитриевну совершить подвиг – пожить пару-тройку дней у родни и дать органам спокойно поработать.

В описаниях злодея палку мудро не перегибал, делая больше упор на то, что красивых женщин надо беречь и вообще, он, как истинный страж закона, готов ей организовать оперативное сопровождение до нужного адреса.

Инспектор был очень убедителен, но Валюхина всё ещё

сомневалась.

– А дети? А мама? – суетливо возражала «подзащитная», как про себя окрестил её парень. – В понедельник на работу выходить. Мне прогуливать нельзя – враз премии лишат...

– Им абсолютно ничего не угрожает, – походя решал проблемы Сергей. – На работу сообщим, вякнуть не посмеют. Квартиру под охрану возьмём.

Помогла закончить препирательства, как ни странно, бабка. Сутулая, редковолосая женщина с блёклыми глазами в застиранном, тёплом халате.

– Поезжай, доця, – прошамкала она. – Отдохни от нас. Ты же видишь, товарищ из органов добра тебе хочет. Дай людям спокойно поработать. А мы дома посидим, никуда выходить не станем. Да и куда идти? Сыро везде, мокро...

Подростки собрались было возмутиться, однако мать Валухиной заткнула обоих одним взмахом руки.

Со старухой Ирина Дмитриевна спорить не посмела.

– Я к Инке поеду. Давно в гости звала, – подумав, сообщила она, направляясь в комнату. – Крымская 8, квартира – второй подъезд четвёртый этаж. С лестницы прямо. Номер я не помню, – виновато пояснила женщина гостю.

– Ничего страшного, – заверил её Иванов. – Главное – мы знаем, где вас искать. И номерочек свой дайте, чтобы на связи быть. Должны же мы будем вас уведомить, когда всё закончится? Вот вам на такси... – в руки подзащитной перекочевала пара купюр не слишком большого достоинства.

Та взяла без колебаний, справедливо полагая, что раз обстоятельства вынуждают её уехать из родного дома, то хотя бы не за свой счёт. – Наш сотрудник, на улице остался, проводит.

Уже перед самым выходом из квартиры, Сергей достал смартфон, повозил по нему пальцем, и, делая вид, что разговаривает, громко сказал:

– Выходим. По сторонам смотрите. Готовность пять минут.

... Ирина Дмитриевна вышла из подъезда и бодро направилась наискосок, через двор, по тропинке, протоптанной нетерпеливыми местными жителями.

Бочком прошла между плотно, прямо на газоне, припаркованных машин, миновала детскую площадку, углубляясь в тень старых, высоченных тополей, до обрезки которых у муниципалов никак не доходили руки.

Сзади хлопнула автомобильная дверь, и появившийся оттуда некто в вязаной маске, не торопясь, выстрелил в спину женщины. Дважды.

Валюхина ойкнула, обернулась, краем глаза зацепив отъезжающий вдоль дома автомобиль непонятной марки, и медленно, ничего не понимая, упала на мокрую, слизкую, с мелкими камешками и размокшими окурками, землю.

– Выйди в подъезд. Надо поговорить, – прошелестело в

ухе у Серёги. – Не при свидетелях.

Инспектор окинул взглядом семейство Валюхиной, сделал строгое лицо и официальным тоном сообщил присутствующим:

– Я сейчас пойду, посмотрю, доклады у сотрудников при-
му. Без меня никуда не выходить и никому не открывать.

Подростки в ответ лишь равнодушно пожали плечами и отправились в свою комнату, бабка потопала к телевизору, и только Ирина Дмитриевна немного напряглась.

– Всё так серьёзно?

Мысленно чертыхнувшись на перебор в роли «блюстителя закона», Иванов успокоил уже одевшуюся «подзащитную»:

– Порядок такой. Неужели вы думали, что вас бесконтрольно выставят из собственной квартиры и до подруги просто проводят, не озаботившись вашей безопасностью? Обижаете... Я же за вас отвечаю.

Последняя реплика, произнесённая виновато-мягким тоном вместе с демонстративно опущенным в пол взглядом и умело наведённым на физиономию смущением, подействовала в успокоительных целях безотказно. Методика проверенная – всегда срабатывает на добрых, не слишком красивых женщинах в разводе и немолодых многодетных матерях. Даже стыдно немного стало.

– Конечно-конечно, – зачем-то сконфузилась Валюхина, теребя в руках простенькую сумку. – Я понимаю.

Многозначительно полуприкрыв глаза, Сергей вышел в подъезд и медленно пошёл вниз.

Спустился на пролёт, где его уже поджидал злощущий на весь белый свет Антон.

– Тут тихо, – негромко сообщил он. – Камер нет. Я проверил.

– Всё равно, давай шёпотом, – предложил напарник, готовясь к чему-то нехорошему. – Стены тонкие. Вдруг услышит кто.

– Как скажешь, – согласился Швец. – В двух словах: я из подъезда вышел в образе нашей Ирины Дмитриевны. Просто так, на всякий случай. Думал, если слежка есть – срисую. А мне в спину две пули подарили... Кто – не видел. Из машины стреляли. После выстрела упал на всякий случай, для наблюдателя, если таковой имеется. Был! Был, сучонок... Лица не разглядел, но молодой – точно. Он близко не приближался, из тени смотрел. Минуты полторы, потом скрылся. В разнос пошла Вика Егоровна. Команду валить дала. Не понимаю, почему...

Вопрос «почему» Иванова интересовал не меньше, однако сейчас было не до него.

– Давай потом истоки поищем, – скривился он. – Сейчас с «подзащитной» надо что-то решать. Крутой замес получается. А почему я выстрелов не слышал? Окна ведь в сторону подъезда у Валюхиных выходят. И почему контрольный в голову никто делать не стал?

– Спец работал. Обе пули чётко пониже шеи угодили, как в тире. Был бы материальным – с гарантией бы умер, – начал с последнего Антон. – И ствол с глушителем использовался. При нынешних стеклопакетах вместо обычных окон если кто и услышал, то внимания не обратил. Мелкий хлопок, не более... Прохожих поблизости я не заметил. Делать-то что будем? Они же до утра разберутся, что наша тётка живёт и здоровствует? Наверняка ведь полицейские сводки читают. Шефа зовём?

Таким испуганным Иванов видел друга впервые. Понимал – не ответственности он сейчас боится, не Фрола Карповича. За женщину переживает.

– Нет... Да... Погоди... Подумать надо, – рассеянно бормотал инспектор, лихорадочно выискивая хоть какой-то адекватный выход из сложившейся ситуации.

Мозг парня работал на пределе своих возможностей. Помогая своему серому веществу, инспектор начал проговаривать вслух ход собственных рассуждений. Немного несвязно, однако Антон всё прекрасно понимал и стоял не дыша, боясь отвлечь напарника от поиска решения проблемы, в которую они угодили по его милости.

– Если дала команду «Фас» – значит, проконтролирует исполнение... Если работали спецы, то докладывать побегут только после перепроверки факта смерти... Наблюдатель ничего не значит... Страховка. Не более... Времени – максимум до утра... Потом повторяют... Заставить отменить?

А как? В разум вмешиваться мы не имеем право. Шеф? Тот вряд ли избирательно может, он больше по срокам. На день, неделю... Получается, приказ останется в силе... Не факт, что он на месте... Камеры... наверняка пишется всё. Тётка если и забудет – посмотрит. Не вспомнит – суть поймёт... Не то...

Взгляд инспектора неожиданно остро впился в призрака. Тот вздрогнул – настолько злыми, решительными выглядели обычно серьёзные, спокойные глаза друга.

– Ухоженная, говоришь? Пахнет приятно? – непонятно прошипел парень.

Швец часто, мелко закивал головой.

– Ага. Прямо полированная.

– Х-хе... Есть идея, – лицо говорившего исказил недобрый оскал. – Ты на какой срок можешь людей Печатью отключать?

– Минут десять, может, больше. От телосложения зависит.

– А если постараться?

Теперь настала очередь призрака призадуматься.

– Сложно сказать... Зато могу держать живых в бессознании довольно долго. Только постоянно метаться между ними придётся – поддерживать беспамятство.

Непонятный пока план Иванова его определённо обнадёживал, а хищная целеустремлённость, сменившая прежнее ощущение логического тупика, бодрила.

– Тогда так, – из бумажника на свет появилась банков-

ская карта. – Пулей лети в торговый центр... тот, самый дорогой, на площади. В нём найдёшь подарочный магазин. Там должен быть такой... Торгует всякой чепухой для дней рождений и маскарадов. Купи два плаща с капюшонами, самых больших, и две маски на всю рожу. Затем возвращайся. В дверь позвонишь, покажешь рожу... Один комплект отдашь мне, второй для тебя. Сейчас, – косой взгляд на экран смартфона, – девяти ещё нет. Сегодня суббота – значит, работают до десяти. Успеешь. Давай!

Расспрашивать Антон не решился. Выхватил карту из пальцев друга и тут же исчез.

Через пятнадцать минут призрак позвонил в дверь квартиры семейства Ирины Дмитриевны. Весь этот небольшой промежуток жизни Иванов ничего никому не объяснял, стоял, привалившись спиной к двери и устало закрыв глаза, чем заставил всех изрядно понервничать.

Едва пропиликал звонок – он, глянув в глазок, коротко бросил: «Свои», и вышел на лестничную площадку.

– Держи, – призрак деловито сунул в руки парня пакет фирменно-весёленькой расцветки с эмблемой магазина, а затем еле слышно прошептал. – Теперь что?

Ответил ему напарник так же тихо:

– Отправляйся к Солодянкиной. Выруби вообще всех. Потом ко мне. Когда начнёшь действовать – надень на себя эти вещи. Вряд ли там одна система видеонаблюдения.

Наверняка дублирующая имеется. Не нужно нам светиться. Ни тебе, ни мне, – Сергей пресёк открывшего было рот Швеца, собравшегося разразиться своим привычным «Да мне пофиг». – Я тогда тоже туда поеду.

– А почему не сразу?

– Вдруг тётка сейчас в кабаке сидит, жульен кушает? Или в массажном салоне? Или у косметолога? Я – не ты. Невидимкой стать не умею. Где мне её ждать тогда прикажешь?

Смутившийся Швец не нашёлся, что ответить, зато нашёл, что спросить:

– Где тебя искать?

– Здесь. Пообщаюсь с «подзащитной». Попробую узнать – с чего у них с Викторией Егоровной такая нелюбовь. Дальше секретничать от неё не вижу смысла. Потом... – и Сергей наскоро изложил свой нахальный, на грани фола, план.

Выслушав, призрак захихикал, потирая руки, отчего пакет пришёл в хаотичное движение и стал мягко стучать Антона по ногам.

– Может получится...

– Получится.

Посмеивающийся Антон растворился в воздухе, а Иванов вернулся в квартиру, где его ждала уже основательно нервничающая из-за неизвестности Ирина Дмитриевна. Она по-прежнему была полностью готова к выходу на улицу и, чтобы заполнить ожидание, в неизвестно какой раз инструктировала домочадцев:

– Суп в холодильнике... Мусор вынести не забудьте... Хлеб есть, я купила...

– Никто никуда не едет, – сообщил Сергей, без приглашения проходя в кухню и плюхнувшись на табурет. – Присядьте. Нам нужно поговорить.

– В смысле? Что случилось? Почему? Вы же сказали... – начала Валюхина засыпать парня непрерывным, на одном дыхании, потоком вопросов. – Я уже собралась!

В доказательство она потрясла в воздухе сумкой, давая понять всю серьёзность своей подготовки для незапланированного визита к некой Инне.

Из комнаты снова нарисовались любопытные отпрыски. Приковыляла бабка.

– Задержали голубчика, – сказал Сергей. – Только что доложили. Но вам придётся посидеть дома. Недолго. Пару дней от силы. Вдруг у него сообщники были?

Ирина Дмитриевна замерла в растерянности, не зная – радоваться или бояться ещё больше. С одной стороны – опасность вроде как миновала, с другой – непонятные сообщники, которые пока на свободе. Потому она, как истинная женщина, попавшая в стрессовую ситуацию, спросила не о том, о чём хотела, а первое, что взбрело в голову:

– Как же нам в магазин ходить?

– Дети сходят. А лучше соседей попросите. Не переживайте. Озвученная мера скорее страховочная, нежели вынужденная. Маньяки практически всегда одиночки. Нам

указанный срок необходим чтобы как следует допросить задержанного и отработать возможные связи. Так что разговор идёт о самой обычной перестраховке, вполне логичной для всякого здравомыслящего человека. Отнеситесь к этому как к лёгкой простуде – отдохните, отоспитесь. И не бойтесь, – Сергей вновь пустил в ход виноватый взгляд. – Мы всегда рядом.

В этот раз подействовало хуже.

– Не верю я вам, – искренне заявила Валюхина, снимая пальто.

Инспектор в этом даже не сомневался. Он и сам прекрасно понимал, что несёт откровенную чушь. Ну не было у Иванова времени хорошо продумать легенду. Физически не было. Потому приходилось импровизировать.

– Зря, – ответил он женщине. – Вы же всего не знаете...

В ход пошёл второй психологический приём – любопытство. Люди любят узнать что-нибудь... эдакое, делающее их причастными к государственным или следственным тайнам, к тайному клубу посвящённых в новости «не для всех». А если им дать ещё и снисходительно порассуждать на заданную тему, с почтением выслушивая их «бесконечно мудрые» замечания и наставления по борьбе с преступностью, своевременно поддакивая и грамотно акцентируя беседу на наиболее интересующих деталях, то можно узнать очень многое, практически не задавая прямых вопросов.

Не стала исключением и «подзащитная». По заметно за-

трепетавшим крыльям носа и слегка порозовевшим мочкам ушей стало понятно – женщине жутко интересно узнать «Всё». И уговаривать, против ожидания, не пришлось. Такая незамысловатая наивность лишь подтвердила первое впечатление об Ирине Дмитриевне: простая, в какой-то степени затюканная бытом и роднёй, немного любит поскандалить и не откажется от внимания к своей особе. Обычная, рядовая женщина, каких миллионы по всей стране. Нормальный, в общем, человек.

Быстро переодевшись, «подзащитная» села напротив, попутно прогнав детей к себе. Матери она ничего не сказала, и бабушка пристроилась тут же, на третий табурет.

– Может, чаю? – предложила Валюхина.

Сергей согласился. Совместное чаепитие – самое то для душевной беседы.

Пока хозяйка хлопотала, извлекая из глубин навесного шкафа чашки понаряднее, колдуя с заварником и бегло протирая тряпкой и без того чистый стол, старуха начала разговор:

– Вы спрашивайте. У нас с дочкой секретов нет.

Присутствие третьего лица в планы Иванова не входило. Дети никогда не бывают откровенны при родителях, однако та основательность, с которой пенсионерка расположилась на табурете, не оставляла никаких надежд на конфиденциальность. Придётся при ней работать...

– Я, когда читал вашу биографию, – послав бабушку в душе

куда подальше, приступил к дознанию инспектор, – заметил, что вы учились в одном классе с Солодянкиной Викторией Егоровной. Помните такую?

Но вместо ответа он получил встречный вопрос. От женщины.

– Какую биографию? Вы что, сведения обо мне собираете? А у вас ордер есть?!

Э-э... нет. В это русло разговор пускать нельзя и лучшая защита – это нападение.

– А вы как думаете? Установили же мы как-то, где вы живёте и как вас зовут! Или, по-вашему, нам наобум ходить нужно, по всем квартирам в поисках неизвестно чего и ориентируясь исключительно по подбрасываемой вверх монетке? Орёл – влево, решка – вправо? Вы же современная женщина, – умеренный комплимент всегда полезен. – Ну сами посудите – нужно же знать, к кому идёшь, с кем работать придётся? Люди ведь разные бывают. Одни адекватные, другие, – расстроенный взмах рукой, призванный показать всю тупость и склочность некоторых граждан. – Мы, кстати, через Солодянкину на вас и вышли.

– На неё тоже?... – охнув, прикрыла рот ладонью Ирина Дмитриевна.

– Тоже, – многозначительно подтвердил инспектор. – Как и вы, дома сидит. Маньяк по выпускницам из вашей школы орудовал. Разные выпуски, – подчеркнул парень, чтобы не углубляться в школьные воспоминаия. – Кроме этого – ни-

чего общего. Но, сами понимаете – служебная тайна!

– Как?.. – ошарашенная такой новостью Валюхина чуть не выпустила взятую было чашку из рук.

– Псих, – авторитетно объявил Иванов, мучительно сообщая, как свести эту тему на «нет» и чувствуя, что сейчас окончательно запутается. – Экспертиза даст заключение, что творится в его больной кукушке, тогда и поймём мотивы. Пока об этом говорить рано. Вы мне лучше про Вику расскажите. Странная она. Словно... обидел её кто.

– Обидишь её, как же, – внезапно, с нескрываемой ненавистью, подала голос бабка. – Гнида, сволочь, воровка!

– Не понял...

– Да тут и понимать нечего! – пенсионерка начала понемногу выходить из себя от нахлынувших воспоминаний. – Я её с соплячества знаю. И всегда она была тварью. По малолетству – ещё терпимо. Как подрастать стала – не знали, куда от неё деться. Мать в гроб загнала выходками своими... У всех всё тащила, постоянно врала, из детской комнаты милиции, считай, не вылезала. В спецшколу чудом не угодила – слишком умная оказалась. Делала так, что все знали – её рук пакость, а доказать нечем. И никогда никому ничего не прощала. Всех ненавидела. Помнится, её девочка, в школе, на лестнице случайно толкнула, извинилась сразу – а вечером ей кто-то кирпичом по затылку заехал. Убить – не убили, но покалечили дитё знатно. Все знали – Викина работа. Она особо этого и не скрывала. По слухам, много го-

ря от этой стервы людям досталось. То парня назло уведёт, то наоборот, подговорит дружков своих – они и побьют того, кто ей не угодил. У нас она тоже отметилась. Ирка, – старуха с неудовольствием посмотрела на дочь, отчего та сразу потупилась, – в старших классах дружить с ней удумала. Мальчишки, вино рекой текло. До аборта допрыгалась... Так Вика Солодянкина её подбила все деньги из квартиры вынести. Как раз перед тем, как её из ПТУ выпихнули. А деньги-то – последние!

Валухиной были явно неприятны эти воспоминания. Шея женщины стала пунцовой от стыда за грехи молодости, мокрые от еле сдерживаемых слёз глаза говорили о том, что ей хочется сбежать из этой кухни куда угодно, лишь бы подальше от расходившейся матери. Не в первый раз, похоже, прошлым шпыняют. Надо было спасать человека...

– Что вы знаете о татуировке? – обращаясь к «подзащитной», пресёк бабкин «поток сознания» Сергей. – Ласточке?

– Так они друг дружке их и сделали! – опять вместо дочери ответила пенсионерка. – В тот же день, как ограбили. Джинсы они себе купили, портвейну, на такси катались... Моя дурёха той воровке в рот ведь смотрела. Своего мнения не имела вообще. Как сейчас помню: выдрала я Ирку тогда как сидорову козу. Стыдила. Они ведь, деньги эти, на море отложены были. Три года копили. Оно ведь как – я на фабрике работала, платили мало. Отец её, покойный, по инвалидности только сторожевать и мог. Трудно нам копеечка доста-

валась. Всё мечтали – вот вырастет чадо, учиться пойдёт...

Болтовня бабки становилась опасно-нудной и всю скачивалась в длительные воспоминания с обличением виновных.

Втайне пожелав не в меру говорливой мамаше, чтобы её любимый сериал закрылся из-за нерентабельности, Иванов сделал очередную попытку пообщаться с Валюхиной.

– Ирина Дмитриевна, а почему вы прекратили отношения с Солодянкиной?

Старуха снова набрала полные лёгкие воздуха для про-
странных пояснений, но инспектор, сурово взглянув на неё,
резко потребовал:

– Помолчите, будьте любезны... Ваша дочь сама умеет го-
ворить!

Украдкой брошенный, полный благодарности взгляд
ободрил его. Помявшись, женщина ответила с затаённой
грустью:

– Она у меня тоже парня увела. Я не сразу узнала. Ко-
гда ей татуировку делала – она всё болтала, как с очередным
ухажёром поедет в путешествие. Была у нас мечта – страну
посмотреть. В Питер скататься, в Москву... Тогда и пробол-
талась. Имени не назвала, но была у него одна особенность,
из тех, которые только в бане или в постели видно... Не важ-
но, ничего такого... И мы поругались. Сильно поругались.
Он же моей первой любовью был... Я ей ту ласточку не доде-
лала. Немножко совсем. Накрыло меня. Всё ей высказала...

– И вы её прокляли... – против воли сорвалось с Серёгина языка.

– Что? Откуда вы знаете?! – изумилась Ирина Дмитриевна.

Пришлось Иванову разыгрывать удивление.

– А что такого? Люди часто друг друга проклинаят. Особенно на нервах.

Обыденность сказанного немного успокоила женщину.

– Да. Она меня, наверное, тоже. Ну её, – в сердцах бросила хозяйка. – Нашли тему... Я знаю, зла желать никому нельзя, но... нет. Пусть всё в прошлом останется.

Раздосадованная таким непривычным для неё тоном гостя, бабка всё же не удержалась, вставила свои «пять копеек»:

– Жизнь себе испортила, идиотка. С тех пор ни мужика нормального, ни счастья. Хорошо, хоть с внуками помог какой-то добрый человек. Мимо проходил, да и не побрезговал моей доченькой...

На горизонте в очередной раз замаячила семейная склока. Валухина снова потупилась, не в силах дать отпор матери и защитить себя от набивших оскомину нападок. Так и стояла, прижавшись боком к кухонному шкафу, сгорая перед посторонним человеком от стыда за свою судьбу и за болтливую родительницу.

Внутренние разборки, без посторонних, похоже, давно были для неё обычным делом.

В этот раз инспектор промолчал.

На столе наконец-то появились чашки с чаем, вот только пить Иванову не хотелось. Как нельзя кстати на ладони пульсирующе затеплела Печать – вызывал напарник.

Сославшись на неотложные дела, парень поспешил покинуть квартиру, с грустью сочувствуя её обитателям и особенно Ирине Дмитриевне.

В подъезде его уже ждал перевозбуждённый Швец. В чёрном плаще, в сдвинутой на затылок маске. Из тех, ультрамодных, так любимых хакерами и киношными бандитами: белая пластиковая личина с узкими прорезями для глаз, чёрными, подкрученными усиками, узенькой бородкой и с выражением лёгкой, нестираемой ухмылки.

– Неудобно, – пожаловался призрак. – На нос давит.

– Переживёшь, – не выказал сочувствия Сергей. – Какие новости?

– В адресе были Вика, четверо охранников, горничная, повар с помощником. Больше никого. Всех отключил. В вольерах – собаки. К ним не подходил. Не выберутся. В доме три тревожные кнопки увидел. Одна у Солодянкиной в кабинете, одна в спальне. Третья – у входа. Вероятно, есть ещё, так что будь поосторожней. Видеонаблюдение тоже вырубил. Но это не точно... Блок записи в подсобке стоял, среди коробок всяких. На виду. Правильно ты с масками придумал!

Губы Иванова тронула едва заметная улыбка.

– А то! Осталась малость – расскажи, где этот самый особнячок находится?

Швец быстро продиктовал улицу и номер дома. Получалось не близко. В пригороде, в закрытом коттеджном посёлке, обитатели которого очень любили комфорт, высокий социальный статус и люто ненавидели пролетариат, от которого отгородились высокими стенами заборов, охраной и шлагбаумом на въезде. Таких вот «закрытых» объектов Иванов знал два, но не без оснований подозревал, что в округе их гораздо больше. Просто о них не орут на всех углах.

– Сиди у пульта охраны, – сказал он другу. – Позвонят с основных ворот – ответишь, что ждёте меня, ну и так далее... Имя назову, – наружу вырвалось невольное хихиканье, – Анонимус.

Тонкости шутки призрак не оценил. Он не был знаком с относительно современным кинематографом. Зато хорошо соображал и задал вполне уместный вопрос:

– Уходить как собираешься? Войти мало. Нужно ещё и выйти.

Эта проблема почему-то не слишком беспокоила Иванова.

– Ты машину водить умеешь?

– Конечно. У отца частенько «Жигули» брал. На современных не ездил.

– Вот на машине и уедем. Никто нас останавливать не станет. Номера известные, хозяйка – тоже.

– Это ты про тот Мерседес? – Антон не на шутку перепугался. – Да я такой шаландой в жизни не рулил! Все столбы мои будут!

– Не будут. Справишься. Там управление простое.

Этот аргумент на призрака никак не подействовал.

– Ты откуда знаешь?

– В книжке читал, – хмурясь, заявил инспектор. – Не бойся. Даже если расколошматишь технику – плевать. Солодянкина себе новую купит. Ты о нашей «подзащитной» думай. До утра успеть надо, иначе завертится мельница...

Отправив Антона обратно, Иванов спокойно вышел на улицу и направился по той же самой тропинке, на которой совсем недавно неизвестные пытались убрать Валюхину, к дороге.

Проехав несколько остановок на удачно подвернувшейся маршрутке, вышел у районного рынка, без стеснения накинул на себя плащ, натянул маску и сразу почувствовал дискомфорт в области носа. Не выпендривался, значит, Швец. Похоже, дружественные китайцы при изготовлении маскарадного атрибута сэкономили на всём, используя как модель морду какого-то своего плосконосого товарища по цеху. Других объяснений такому неудобству придумать не удалось.

За свой внешний вид парень не переживал. Суббота, вечер, карнавальное одеяние – ничего особенного. Сейчас вся-

ких клоунов на улице полно. Развлекается народ, как может. Местная гопота не страшна, полиция – документы в порядке, а отшутиться всегда можно. Да и пройти надо было в таком одеянии метров двести – не больше. За углом стоянка местных бомбил. Из тех, кто налоги платить не любит, лицензии не имеет и за небольшое дополнение к стандартной таксе вопросов не задаёт.

Оставался, конечно, вариант, что безопасники Виктории Егоровны обнаглеют до того, что решатся допросить Валюхину. Неважно – сами или через знакомых силовиков, но такое развитие событий парня не слишком пугало. Ну получат его фоторобот, в котором, как известно, можно признать каждого второго, ну догадаются о связи Анонимуса с неизвестным гостем. И что? Прямых доказательств нет, логики в их действиях обычным людям тоже не найти. Ищи-свищи.

Прогулка прошла как по маслу. Встречные прохожие поглядывали на Сергея с интересом, однако никто в разговор не вступал, пальцем не тыкал, сфотографировать не пытался. Максимум – награждали весёлой улыбкой. Только одна пожилая тётка шаркнулась, как от прокажённого, но потом успокоилась и пошла по своим делам, недовольно бурча что-то своё.

Не обращая на неё внимания, он без каких-либо проблем сел в старенькую иномарку разбитного, молодого кавказца, выбранную наобум. У водителя тоже вопросов к внешнему

виду пассажира не возникло.

– Тематическая вэчеринка? – с характерным акцентом скорее констатировал, чем спросил сын гор, трогаясь с места.

– Да. Будет очень весело...

До коттеджного посёлка добрались по относительно пустым улицам быстро. У шлагбаума остановились. Из сторожки вышел немолодой, полный мужик в форме ЧОПовца.

– Куда направляетесь? – весьма вежливо поинтересовался он, не требуя, впрочем, представиться, выйти из машины или снять маску.

Инспектор назвал адрес, в конце веско присовокупив:

– Ждут. Анонимус.

Данное заявление никак не подействовало на властителя шлагбаума и повелителя его электрических внутренностей. Сказывался опыт. Охранник за время работы на этом объекте посмотрелся всякого и первым, что он чётко усвоил, было умение не лезть не в своё дело. Здешние обитатели любопытство вообще не поощряли и незнакомец в маске, по его внутренней шкале необычного, даже не попадал в первую двадцатку тех причуд и странностей, с которыми регулярно приходилось сталкиваться на этой работе. Проститутки-карлики куда веселее...

– Одну минуту, – без эмоций сообщил мужик и отправился в свою будку, точнее весьма красивый домик красного кирпича с кондиционером, забранными миленькими кова-

ными решётками окнами и мощным прожектором под крышей.

Минуты ему не потребовалось. Через тридцать секунд шлагбаум медленно пополз вверх, а ЧОПовец, поленившись выходить, бросил в приоткрытое окно:

– Куда ехать, знаете?

– Нэт! – ответил вместо Серёги водитель.

Он вообще оказался молодец. Всю дорогу просидел молча, с расспросами и задушевными разговорами не лез, байки не травил.

– Сейчас направо, потом третий поворот налево. В конце улицы. Номер дома смотрите на фонарных столбах – они типовые, подсвечиваются.

Добравшись до нужных ворот, Иванов, прежде чем выходить, вызвал Печатью друга и лишь когда калитка приоткрылась и в ней мелькнула пластиковая маска с усиками, рассчитался с таксистом и вошёл на территорию обиталища Солянкиной.

Двор ничем не поразил. Высоченный забор по периметру, большущий гараж с воротами на улицу и дверь сбоку, домик охраны, мощёная площадка, фонтан, отключенный на зиму, несколько голубых елей. Особняк в глубине. Строгий, двухэтажный, из бурого кирпича, свет горит только в двух окнах. Одно на первом этаже, одно – на втором. Везде чистенько, ухожено, тихо.

– Значит смотри, по охране, – начал вводить в курс дела

напарник. – Двое в сторожке, один на первом этаже, один на заднем дворе. Прислуга – тоже на заднем дворе, там для них специальный домик есть. Всех только что проконтролировал. Собак выпустить не успели. Наша подопечная – в большой комнате, наверху. На диванчике дрыхнет. Долго же ты добирался...

– Как смог, – коротко ответил Иванов. – Ждать, Тоха, всегда долго.

– Да понимаю...

– Веди в дом. У нас времени не так уж и много.

– Тогда на, – в руки инспектора ткнулся голубой, шелестящий комок. – Бахилы. Надень. Почему-то мне думается, со своими ботинками ты расставаться не желаешь, а судя по подготовке, шифруемся мы по полной программе.

Благодарно приняв простенькую и весьма эффективную защиту, Сергей посмотрел на свои добротные, недешёвые ботинки и с чувством ответил:

– Спасибо. Я не подумал.

– Тогда и перчатки держи. На кухне нашёл, а бахилы в тумбочке у входа лежали, – Антон протянул ему ещё один резиновый комок, помолчал, и добавил. – Думаешь, сдачи захочет дать?

– Не знаю, – честно признался инспектор. – Но исключать такую возможность я бы не стал. Возможности у тётки есть.

Похоже, у призрака имелись аналогичные соображения. Он попытался привычно почесать в затылке, упёрся пальца-

ми в капюшон, расстроился и посоветовал:

– Голос измени как-нибудь. Вон, камешков из-под ёлки набери и за щёки сунь. Должно сработать.

Иванов с сомнением покосился на декоративную подсыпку под ёлками, представленную в виде разноцветных некрупных окатышей, и отказался:

– Нет, спасибо. На них, наверное, собачки нужду справляли... Нужно же им где-то естественные потребности удовлетворять? Обойдусь как-нибудь. Хрипеть стану.

Хрипеть не получилось. Первая же попытка привела к тому, что в горле у парня немилосердно запершило, накатила кашель.

– Прорвёмся, – придя в себя, заявил он. – Ничего Солодянкина нам не сделает. Кишка тонка у неё с нами тягаться.

Напарник явно хотел что-то сказать, однако ограничился коротким:

– Как знаешь.

Виктория Егоровна лежала на втором этаже, в гостиной, более всего походившей на музей. Картины, статуи, статуэтки, везде ненавязчивая лепнина, мягкие, скрадывающие шаги ковры. И такая красота изобиловала повсюду, с самого холла. Ничего не понимающий в искусстве Иванов смотрел на всё это великолепии с интересом, но без приличествующего пиетета, больше как на демонстрацию благосостояния и успешности, чем собственно, эта выставка и являлась.

Сама хозяйка от обстановки не отставала. Несмотря на бессознательное состояние и по-простецки задравшуюся до самого бедра полу пушистого, белоснежного халата – выглядела точно кукла работы искусного мастера. В каштановых волосах ни намёка не седину, стройное тело, гладкая кожа; ухоженные, с идеальным маникюром руки; правильно нанесённый, подчёркивающий нужное макияж. По сравнению с Валюхиной – вдвое моложе.

Вот только кукла получалась злая. Пухловатые, без сомнений обработанные пластическим хирургом губы даже сейчас выглядели брезгливо поджатыми, с застывшим на них раздражением. Идеальные скулы напряжены; веки не просто закрыты, как у спящих – они словно сцепились между собой в схватке, и их напряжённость не сглаживали пушистые, трогательно-длинные ресницы; по уголкам глаз просматривались намечающиеся морщинки.

– Злюка, – прошептал Сергей. – Даже во сне с кем-то воюет.

– Не то слово, – подтвердил друг. – А когда не спит – совсем зверь-баба.

– У тебя стволы с собой? – зачем-то поинтересовался инспектор.

– Да, – не задумываясь, ответил Швец. – Конечно. Ты зачем спросил?

Речь шла о двух револьверах, которые оборотистый призрак когда-то выцыганил у домовых и которыми очень гор-

дился. Так случилось, что оружие попало к Иванову на хранение и вернулось к владельцу лишь совсем недавно.

– Для самоуспокоения. Накатило что-то. Мы сейчас в чужом доме, без ведома хозяйки. Вокруг охрана, собаки. Вдруг что случится?

– Мандражируешь?

– Есть маленько.

– Я тоже, – успокоил напарника Антон. – Такая же фигня перед твоим приездом наваливалась. Сижу, жду... Вроде и опасности нет, а стрёмно. У меня всегда так, когда на мероприятие иду. Не бояться или дураки...

– Или идиоты, – закончил инспектор мысль друга. – Потасили эту особу в кабинет. К креслу привяжем для начала...

Неожиданно свет, исходящий от включённой люстры, стал ослепительно ярким. Лампочки, напоследок озарив гостиную, тихо шикнув, погасли. В комнате стало почти темно. Почти – потому что с улицы в комнату немного проникало дежурное освещение.

– Напряжение скачет, – подходя к стене и щёлкая выключателем, заметил Швец. – Неужели нельзя, при таких-то деньжищах, стабилизатор на дом поставить?

– Китай... – глубокомысленно заявил Серёга, вкладывая в это понятие и ненадёжность сегодняшней техники, и безнаказанность электросети с их вечными проблемными трансформаторами на местах, с комплектующими, опять же, из Поднебесной, и брендовые псевдоитальянские освети-

тельные приборы с проводкой... ну, понятно, откуда.

– Хватит стоять, – Антон уже брал Солодянкину за ноги. – Мы же здесь не до Дня милиции загорать планируем?

Напарник поспешил взять женщину под руки.

Нести неудобное, постоянно норовящее выскользнуть из рук тело было недалеко. В соседнюю комнату, отделанную дубовыми панелями, с монументальными шкафами, огромным рабочим столом и сейфом в углу. Тёмные, наполовину закрытые шторы, мягкие, приглушённые тона отделки настраивали на деловой лад. Даже картины выглядели незаметно, точно стеснялись сами себя и старались не отвлекать владелицу от важных дел. Пробивавшийся из коридора свет неплохо освещал помещение, а создаваемые им тени приносили налёт таинственности.

– Усаживай, – скомандовал Антон, пытаясь вытолкнуть на середину помещения анатомическое офисное кресло на колёсиках. Получалось плохо. Маленькие колёса вязли в ворсе ковра и отказывались ехать категорически. Пришлось его просто перенести.

С облегчением избавившись от женщины, инспекторы, в лучших традициях сериалов, включили настольную лампу, тоже невесть почему сначала ярко вспыхнувшую, но, к счастью, не перегоревшую, направили её в лицо бессознательной и принялись искать любое подобие верёвок. Не нашли. Пришлось взять из канцелярского набора ножницы и срезать толстые, витые шнуры со штор.

Привязали. Сначала руки, потом ноги. Добротню привязали, намертво, без всяких там хитроумных морских узлов и более сухопутных «бантиков».

– Охрана разрежет, – резюмировал призрак, отходя в сторону и указывая рукой на Солодянкину. – Приступим? Мне скоро здешних с Печатью снова оббегать.

– Зеркало притащи. Желательно не маленькое.

Швец скорым шагом вышел из кабинета и почти сразу вернулся, с натугой неся тяжёлое даже на вид ростовое зеркало на изящной подставке.

– В спальне взял.

– Поставь там, – Сергей указал за спинку кресла с женщиной. – Потом понадобится.

Когда призрак избавился от своей ноши, установив её точно в том месте, на которое ему указывал напарник, Иванов, глубоко вздохнув, активировал Печать и приложил служебную метку к голове Виктории Егоровны. Называть эту властную женщину Викой у него почему-то язык не поворачивался.

Та застонала, и через секунду открыла глаза.

Надо отдать должное Солодянкиной – по возвращении в сознание она не издала ни звука. Попробовала верёвки на прочность, покрутила головой, убеждаясь, что всё происходит взаправду. Сощурилась из-за направленной в лицо лампы.

– Иди, проверь, как там дела, – не глядя на друга, высту-

пил с предложением инспектор, становясь перед креслом. Швец вышел без лишних расспросов. Действие Печати на службу подходило к концу и никому из инспекторов не хотелось разбираться с не в меру ретивыми пробудившимися.

Едва он, нарочно-медленно, показательно растворился в воздухе, Иванов заговорил с сидящей:

– К тебе приходил старец. Помочь. Ты не поняла доброты, – парень намеренно строил фразы не как диалог, а как констатацию фактов. – Принялась гадить. Мы пришли тебе разъяснить, что так поступать нехорошо.

На лице Виктории Егоровны не дрогнул ни один мускул. Она слушала, словно окаменев и на подсознательном уровне чувствовалось – ей не страшно.

Вот только длительная беседа в план инспектора не входила.

– За это ты потеряла пять лет жизни.

Правая бровь Солодянкиной слегка изогнулась, имитируя удивление, а вся её фигура невесть как приобрела глумливую, презрительную позу. Причём парень готов был поклясться – она не двигалась. Похоже, природный талант прожжённой бизнес-вумен сработал. В управлении большими деньгами без этого никак нельзя, и одного покер-фейса мало.

В полном молчании Иванов с усилием развернул кресло передом к зеркалу, невольно взглянув в отражение. Идиотская картина. Связанная, обманчиво-беззащитная женщи-

на и некто в придурковатой маске, завернутый в чёрный плащ. Получился бы достойный постер для любителей абсурда: «Злодей и его жертва».

Рука легла на затылок Виктории Егоровны, и она прямо на глазах начала стареть. Поначалу незаметно, однако со стремительностью подростковых прыщей выскакивающие тут и там морщинки, посеревшая кожа, поплывшие вниз одутловатыми мешочками веки были способны убедить кого угодно в реальности происходящего.

И спокойствие хозяйки особняка дало трещину.

– За что?! – вскрикнула она с такой неподдельной болью и ненавистью, что инспектору стало не по себе.

Судорожно, будто раненая птица, в кровь раздирая руки, Солодянкина начала рваться из кресла. Путы выдержали.

– За что?! – уже вопила связанная. – За что-о-о...

Последние буквы, напоминающие предсмертный выдох обречённой, пробирали до мозга костей.

Иванов стоял статуей, осознавая, насколько неприятно ему заниматься всей этой гадостью. Однако он понимал и то, что если сейчас не добьётся успеха – ситуация значительно ухудшится и Валюхина... Валюхина, обычная женщина без обычного женского счастья, может вполне не увидеть внуков. Приходилось быть твёрдым.

– За непонятливость, – сурово пояснил он. – Тебя же просили по-хорошему успокоиться, а ты убийц подослала.

– Вы кто? – тут же переключилась на Сергея связанная,

стараясь не смотреть в зеркало.

– Мы? Те, кто приходит к таким, как ты.

– Но я же обещала заплатить! Срок ещё не прошёл!

– Не нужно денег. Себе оставь. На косметологов понадобятся. Сиськи в очередной раз подтянешь.

Отказ от денег подействовал на неё весьма странно. Два непонимающих глаза уставились в пластиковую маску. Похоже, у женщины в голове не укладывался отказ от честно заработанного гонорара. Всех по себе меряет.

– До тебя так и не дошло, – подпуская горечи в голос, принялся растолковывать Сергей. – Твои сбережения нам не интересны. Понимаешь? Мы не наёмники, не каратели. Мы – справедливость, – выдал он заготовленную фразу (пока ехал в такси – придумал. Прозвучало солидно, не ошибся). – Нас не купишь. С нами не договоришься, нас не найдёшь. Мы сами приходим. И на холуев своих не надейся. Не справятся. Больше скажу. Можешь даже попытаться нам отомстить, заодно и посмотришь, как это – умирать.

Ловким движением парень схватил со стола обычную шариковую ручку, валявшуюся там прямо поверх каких-то бумаг.

– Фокус-покус! – торжественно объявил Иванов и сунул её в ладонь Солодянкиной. – Смотри.

Отражение в зеркале постарело ещё немного.

– Тебе помогли с проклятием. Подказали, как снять. Теперь я тебе показываю, как его наложить. Через любой пред-

мет. Ты и знать не будешь, что именно станет твоим смертным приговором: чашка кофе, расчёска, лист бумаги. Можешь попытаться снять, я не против. Если успеешь...

– Сколько... лет... сейчас ушло, – пробормотала женщина, завороченно глядя на саму себя.

– Полгода, – буднично сообщил гость в маске. – Играем дальше?

– Не надо! Пожалуйста...

По щекам связанной покатались слёзы. «Верить или нет? – рассуждал Сергей. – Скорее – нет». И сразу сообщил о своих выводах:

– Банально. На слезу брать – какой примитив... – а затем огорошил. – Я пошёл. С подружкой твоей всё в порядке. Покушение не удалось. Если с ней или с её семьёй что-нибудь случится – жди в гости. Пожар, ДТП или хулиганы на улице – не прокатит. Ты будешь жить, пока жива она. Ну и семья, конечно... Или это я уже говорил? – он виновато развёл руками, притворно сетуя на свою забывчивость. – Так же не советую портить Ирине жизнь по мелочам – сразу жди новую ручку. Годика так три-четыре. В общем, любое поползновение в указанную сторону – и тебе край.

Развернувшись к выходу, Сергей увидел Антона, тихо стоявшего у дверного проёма и внимательно слушавшего беседу друга с Викторией Егоровной. Когда пришёл? Непонятно...

Между тем женщина, извернувшись, ухитрилась наклониться к привязанной ладони и прикоснулась лицом

к её тыльной стороне. Убеждалась, что увиденное в зеркале – не иллюзия. Потёрлась. Сначала слабо, потом с силой, точно пыталась дыру протереть. С ужасом ощущая сухость, шероховатость ещё недавно столь упругого, приятного на ощупь лица, тихо охнула, а гость в маске ещё масла в огонь подлил.

– Да-да-да... Не снится. И морщины, и шкурка дряблая – твоя новая реальность. Называется старость. Привыкай.

Добавлять издевательское «ничего, накрасишься» или «доктора омолодиться помогут» Иванов не стал. Мелко...

Он медленно (но не слишком) направился к выходу из кабинета, однако голос Виктории Егоровны ожидаемо заставил задержаться.

– Подождите, – связанная сумела пальцами ног дотянуться до пола, оттолкнулась, и кресло развернулось к инспекторам. – Что от меня нужно, чтобы всё это закончилось?

– Ничего, – ровным голосом ответил Сергей. – Нам от тебя ничего не нужно. Свою задачу мы выполнили. Дальше твой ход. Не волнуйся. Твоя дочь вне опасности, пока ведёт себя как нормальный человек.

Солодянкина ожидала чего угодно – угроз, требований, вымогательства, но равнодушный тон неизвестного, отсутствие переговоров, в которых всегда можно оставить пару лазеек на все случаи жизни и упоминание единственного близкого человека оказалось сродни удару ниже пояса. У неё в голове не укладывалось происходящее, не поддавалось анализу и не подходило ни под один из привычных критериев по-

нимания миропорядка. Она чуть ли не впервые в жизни растерялась.

Скрипнув от злости на саму себя, на собственный разум, допустивший пока непонятный ей просчёт, хозяйка особняка предприняла новую попытку отстоять своё право на самоопределение в этом мире:

– Я могу деньги пожертвовать. Много. В храм, слепым, гемофилитикам, чёрт бы их всех, вместе взятых, побрал! У меня есть!

– Жертвуй, – подал голос решивший вписаться в разговор Антон. – Хоть в хоральную синагогу, хоть голодающим детям Африки. Нам всё равно. Условия ты слышала. Будешь ты соблюдать или нет – нам без разницы. Можешь даже за границу уехать. Мы не препятствуем.

Нервный взмах головой пояснил инспекторам, что думает связанная сейчас не о путешествиях по миру.

– Я. Хочу. Вернуть. Обратно. Свои годы, – максимально разделяя слова, точно общалась с глухими, читающими исключительно по губам, требовательно произнесла Виктория Егоровна.

– Время течёт всегда в одну сторону, – философски парировал Иванов. – Забудь. Думай, как остатки не потерять. А у меня к тебе тоже есть вопрос, – заговорщицки добавил он. – Предлагаю бартер. Ты нам рассказываешь, чего ты к Валюхиной привязалась, а я подсказываю тебе, как выжить. Только по-честному.

– Идёт, – без запинки согласилась женщина, поёрзала в кресле и, не отводя взгляда от масок, без прелюдий в виде охов, вздохов или жеманной паузы, начала. – Мы с Иркой дружили в школе. Точнее она дружила, а я ей пользовалась. Всегда, знаете ли, приятно иметь кого-то на побегушках. Того, кто тебя слушается и стелется перед тобой. Самомнение тешит, особенно девичье. Но относилась я ней хорошо. Поначалу... Потом надоедать она мне стала. Вечно ныла про родительские запреты, про «то нельзя, это нельзя» ... Курица. Когда совсем обрыдла – я у неё парня увела. Позлить хотела, да проболталась раньше, чем планировала. А она мне подарочек оставила... который ваш старец... как там его?

На такую уловку инспекторы и не подумали повестись. Лишь синхронно хмыкнули. Нимало не расстроившись неудаче и не подав виду, Солодянкина продолжила, как ни в чём не бывало:

– За свою жизнь я чётко усвоила одно – прощать никогда никому ничего нельзя. Иначе себя уважать перестанешь. Потому и...

Она не договорила, а друзья не требовали продолжения.

– Убивать-то зачем? – устало спросил Швец.

– А нечего... – хотела было взвиться женщина, но вовремя осеклась. – Думала отыграться за потерянные годы. Тем более про ласточку и не знал никто толком. Когда старикан на место с проклятием указал – сначала засомневалась. Решила перепроверить. Но когда он снова появился и зудеть

начал – взвырвалась... Из-за этой сучки... Думаете, легко, когда твоя собственная дочь волком смотрит? Я ей и учёбу, и Лондон...

– Откупалась? – оборвал льющийся поток чужих обидок Серёга и сам себе ответил. – Конечно да. Любить кровиночку не пробовала?

Ярость, на миг промелькнувшая по лицу связанной, была красноречивее тысяч слов.

– Не ваше дело. Как умела – так и воспитывала. Ей всё это, – круговое движение головой обозначало всё имеющееся имущество вместе с банковскими счетами, – досталось бы. Для неё стараюсь.

Маска призрака дрогнула. Похоже, от злости.

– Конечно, верю, – слащаво протянул Антон с нотками презрения. – Вот прямо ночей не спишь, не доедаешь, только о ней и думаешь...

Чувствуя, что от общения с этой гнидой друг на грани срыва, Иванов перехватил нить разговора.

– Понятно. Теперь я отвечу. Есть три правила. Первое – не пытайся нас искать. Не найдёшь, зато беду наживёшь запросто. Второе – никогда не забывай о том, что теперь ты и твоя заклятая подруга связаны навечно. Если нарушишь – или мы придём... или не придём, – он подошёл к Солянкиной, демонстративно извлёк из её ладони, так и зажатую в ней, ручку и положил на стол. – Третье – всегда помни о нас. Не важно, как и с кем ты закусишься – просто

помни. И если тебе завтра или в другой день покажется, что мы – мираж – посмотри на стену, – подойдя к дубовой панели, парень снял перчатку и приложил к деревяшке руку, подпустив в неё немного Силы. Запахло горелым. Через пару секунд перчатка вернулась на место, а в элегантной древесине осталась чёрная, дымящаяся вмятина в форме человеческой пятерни. – На этом всё. Спешим откланяться. Охрана развяжет.

Не давая Виктории Егоровне опомниться, инспектор направился к выходу. Швец, решив в этот раз не исчезать, поспешил следом.

В спины им донеслось:

– Как с вами связаться? А если Ирка сама умрёт?

Отвечать ей никто не стал. Не в справочную обращается, не к онлайн-консультантам. Пусть сама додумывает.

Мерседес впечатлял. Вблизи он казался ещё больше, солиднее, от него тянуло недоступной простым труженикам дороговизной. Антон нерешительно мялся у водительской двери.

– Садись, я ворота открою, – подгонял его Иванов. – Ключ вот. У охранников в будке нашёл.

Приняв симпатичную пластмассовую коробочку с тремя окольцованными лучами, призрак снова попробовал отмазаться от удовольствия порулить автомобилем представительского класса.

– Да я же...

– Ну вон велик стоит. Давай я на нём поеду! – давил на сознательность напарник. – Тебе хорошо. Ты – вжик, и нету! А мне как прикажешь? В таком виде местное население пугать?

С сомнением оглядев друга, призрак был вынужден признать, что покатушки на велосипеде, ночью, да ещё в чёрном плаще и белой маске – идея так себе.

– Ладно, – нехотя пробубнил он, открывая дверь и забираясь в роскошное нутро машины. – Ничёсе, сколько кнопочек! На что жать? И педалек две! А где третья? Одна – газ, вторая – тормоз, потом – сцепление. А тут? Чего нет из перечисленного?

– Коробка-автомат, отсталая ты личность! Понятно же, – Сергей вбил в поисковик смартфона запрос. – Правая – газ. Левая – тормоз. Сцепление – атавизм. Для тупых машина! Давай, заводи, скоро тут все в себя придут. Наверняка и хозяйка вопит как потерпевшая – развязаться хочет!..

Они сидели в Серёгиной кухне и пили пиво. То самое, купленное вчера, по дороге с кладбища. С таранькой. Каждый расположился на привычном месте: Иванов – по праву хозяина, у окна; Антон – напротив, спиной к коридору, Машка – посередине. Часы на стене показывали половину седьмого утра.

– Странное самоощущение, – с умным видом заметил

призрак, отрываясь от бокала. – Пьянствовать с восходом солнца. Молодостью отдаёт... Теми деньками, когда море было по колено, а всё остальное – пох... – он закашлялся, не закончив.

– Мало тебе шеф всыпал сегодня? – участливо подал голос напарник. – Обычно после его нахлобучки тебя философствовать не тянет.

Упоминание столь недавнего общения с Фролом Карповичем на какое-то мгновение подпортило хорошее настроение Швецу, однако он быстро восстановил его при помощи нового, добротного глотка пива.

– Не нагнетай. Хорошо же закончилась ночь.

– Это да...

Изнывающая от любопытства кицунэ принялась теревить инспекторов:

– Чем закончилось? Мне Серёжа, конечно, вкратце рассказал, но так хочется подробностей!

Друзья снисходительно посмотрели на покрасневшую от любопытства девушку, у которой, к тому же, на верхней губе образовались пенные усики, делающие домовую совсем уж смешной. Она тоже позволила себе полбокальчика.

Начал Иванов.

– Когда мы оттуда на Мерседесе хозяйском свалили, – его разобрал приступ хохота, – ох Тоха и рулил... Переживал, будто яйца на базар вёз в телеге без лотков. Десять километров в час.

– Не десять! – принялся защищаться от беспочвенных обвинений Швец. – Пятнадцать! Надо было на спидометр посмотреть! И то, поначалу! Потом ведь нормально поехали...

– Ага, – согласился хозяин квартиры, утирая выступившие от веселья слёзы. – Рулит и молится: «Только бы не стукнуть! Только бы не стукнуть!».

Смешинка от описываемой ситуации добралась и до Маши. Она живо представила себе нервничающего призрака и разулыбалась вовсю.

Обсуждаемый насупился.

– Боялся я её грохнуть. Твоя правда. Хоть и не моя, хоть и хозяйка дрянь распоследняя, но жалко ведь. Машина ни в чём не виновата.

Признание вызвало повторный приступ смеха у напарника.

– Тоха! Завязывай петросянить! Жалко ему... Ты же хотел в конце револьверной рукояткой слово из трёх букв на капоте нарисовать, на память! Забыл?!

– Это от нервов, – смеясь, защищался Швец. – Не нацарапал же! Остальное не считается. Ты давай, рассказывай нашей хозяйшкe... – попробовал призрак перевести внимание на улыбающуюся кицунэ. – Меня потом обсудим.

Иванов угукнул, признавая правоту друга, со вкусом ополовинил свой бокал и вернулся к основной теме.

– Выехали без проблем. Добрались до дороги – тачку бросили. Антон сразу назад, к Солодянкиной рванул, прокон-

тролировать, а я шефа вызвал. Тот сразу нарисовался, едва только мой доклад о наших похождениях слушать начал. Ох и орал!.. Все вороны в ужасе разлетелись. Когда немного успокоился, в ситуацию вник, смилостивился. Дождался его, – рыбий пузырь, поджариваемый инспектором в этот момент огоньком зажигалки, указал в сторону призрака. – Снова по шее дал. Теперь уже обоим.

– А вы? – не утерпела девушка, не умевшая слушать интересные истории, не обсуждая их.

– Мы? Нормально. Привыкли уже.

– Да, – вмешался Швец. – Я как из особняка вернулся, первым делом об увиденном доложил. Жуткое, я вам скажу, зрелище там развернулось. Викторию Егоровну как раз закончили развязывать. Она и кричать ни на кого не стала – испереживалась вся. Выгнала челядь, прошла в спальню, села у столика с косметикой, уставилась в зеркальце и плачет. Горько так, медленно... Возьмёт румяны – отложит. Баночки перебирает, скляночки всякие женские. Пальцем к щеке притронется – и замрёт. Словно не на себя смотрит. Глаза круглые, не моргает. Страшно ей... Ты зачем у тётки пять лет жизни отнял? Совсем сбрендил? Это ещё шеф не узнал...

Сергей отмахнулся.

– Никто у неё ничего не забирал. Я, когда колдовству самообучался, додумался, как из человека жизненную силу откачивать. Не до смерти, а так... чтобы вырубить. Тогда эф-

фект и заметил. Вырубать, как ты видел, не стал. На понт взял. На арапа. На пушку. Через неделю у неё всё пройдёт. И рожа покрасивеет, и кожа разгладится. Но она это на косметику спишет и процедуры. А пять лет эти... никто не знает, когда кто умрёт. Пусть ходит и боится. Я Карповичу об этом сразу доложил, пока ты отсутствовал.

– Не будет бояться, – с ноткой печали заметил Швец. – Наш главный ей воспоминания стёр за последние сутки, ещё и велел подручным позвонить, отменить охоту на Валюхину... Так что зря мы эти танцы с бубном устраивали.

От такого заявления хозяин квартиры откровенно расстроился. Хлебнул пива, покрутил в руках кусочек тарани, отложил в сторону, собираясь с мыслями. После ответил:

– Не зря. Правильно сделали. Сам посуди – заявись ты сразу к шефу с проблемой, как бы это прозвучало? «Дорогой наш Фрол Карпович! – тонко, ни разу не похоже на Антона, загнусил он. – Я хотел миллион с тётки содрать, а получил охоту на ни в чём не повинную женщину. Не ругайте, пожалуйста. Разгребите за мной!» Как думаешь, чем бы твои покаяния закончились?

Напарник не знал, что ответить, и сидел молча, внимательно изучая содержимое своего бокала. А Серёга не успокаивался. Продолжал наносить удары по больному:

– Мы же красиво дело сделали. От денег отказались, когда предлагали, напрямую ничего не требовали. Жизни и здоро-

вью не угрожали. Ситуацию разрулили, как сумели. По факту доложились. Замалчивать происшествие не стали. Попробуй – придерись! Не раскисай! Опрокинь ещё бокальчик!

Понятливая Маша поддакивала:

– Правильно Серёженька говорит. И мне немножко налей.

Самую малость, обновить...

Неожиданно в голову инспектора пришла интересная мысль и он, наскоро помыв руки, поспешил в комнату, загадочно бросив:

– Я быстро.

Пока кицунэ с призраком соображали, что заставило Иванова бросить пиво и пойти невесть куда, тот вернулся и с удовольствием положил перед другом небольшую пачку цветастых бумажек.

– Твоя доля. Я же тебе об этом ещё у магазина сказать хотел, а ты заладил: «Лям! Лям...» Потом из головы вылетело. Счёт в банке открой, карту получи. Туда и положим, только в наши, кровные, переведём.

Обалдевший Антон вытер пальцы прямо о пиджак, потянулся к верхней купюре, однако, вовремя вспомнив о своих вредных особенностях, отдёрнул руку.

– Откуда?!

Тянуть с ответом и наслаждаться видом ошарашенного друга инспектор не стал, с готовностью пояснив:

– Помнишь семейство Генслеров? Мы ещё убийцу их сына, Юргена искали? Нам же тогда их папаша на оператив-

ные расходы десятку евро выдал. Забирать не стал. Потратить маленько, конечно, пришлось... но совсем немного... В общем, тут твоя доля.

Посветлев лицом, Швец осторожно поинтересовался:

– В наших это сколько?

Покопавшись в смартфоне, Сергей произвёл нехитрые подсчёты и показал экран напарнику.

– Столько.

– Ого... Я и не думал... В понедельник, прямо с утра – в банк. В ресторан ходим с Розочкой... И в кино, как белые люди... с попкорном и колой...

– И смартфон себе купи. Вечно тебя не доищешься.

– Да-да. Конечно.

Мутная поволока, возникшая во взгляде Швеца, ясно давала понять, что доступ к его сознанию временно ограничен. Там происходит планирование расходов и составление списка наиболее нужных покупок. И денег, конечно, на все хотелки не хватит...

Пока призрак виртуально тратил неожиданный доход, напонила о себе кицунэ, выдав парадоксальный и весьма точный вывод:

– Как же вы работаете, бедненькие... Если с бесами ещё что-то понятно, то вот с такими... Вы же обычным людям, будь они хоть трижды сволочи, сделать ничего не можете. Либо обмануть, либо пожурить. А наказать – никак. Нельзя. Даже в камеру посадить не можете.

Такое точное понимание тонкостей работы в Департаменте Управления Душами растрогало парня.

– Есть такое. Зато мозги не ржавеют, – натянутая для показательной бодрости ухмылка вышла совсем уж жалкой. – Права ты, Машуля, права...

Посерьёзневшее лицо обожаемого домохозяина заставило девушку прикусить язык. «Вот зачем сказала? – думала она. – Испортила такие чудесные посиделки. Серёжа с Антоном так интересно рассказывали... Нет, же, нужно мне было взлезть со своим бабьим мнением!»

Ситуацию требовалось срочно спасти, и Маша пошла проверенным методом – перевела зашедший в ненужные дебри разговор на события прошедшей ночи.

– Одного я не поняла, – деловито отщипывая кусочек тараньки, начала домовая. – С чего та злодейка подружку убить захотела? Ты хоть и объяснил про то, что она прощать не умеет, однако не верится мне. Прямо зверь ненавистный, а не женщина.

Такому повороту был рад и Иванов. Ответил с удовольствием, кратко и честно:

– Мразь она эгоистичная. И проклятие тут не при чём. Сама, похоже, со всеми отношения перепортила, а потом виновных искала. И убить бедную Валюхину приказала для самоутверждения, чтобы самой себе показать, какая она принципиальная и негибкая. Моральный урод с деньгами. Страшная смесь. Чтоб ей пусто было...

И тут в себя вернулся Антон. Довольный, счастливый, рот до ушей. Не вслушиваясь в беседу кицунэ с напарником, призрак почти закричал:

– Дружище! Одолжи карточку! Я отдам! Коньяку хочу! Лучшего!

Косой взгляд на Машку. Пиво с утра – это одно, а вот тяжёлая артиллерия – другое... Однако та махнула рукой.

– И оливки возьми. И Розочку позови!

Посмеиваясь, Иванов пошёл в коридор, извлёк из куртки бумажник, достал из него пластиковый прямоугольник, способный в эти минуты осчастливить друга. На душе стало тепло и радостно.

Прислушался. Из кухни доносилось:

– Лайм нужен... Сыр, только смотри у меня, не вздумай дешёвый брать! Я тебе сорта запишу... Конфеты...

После каждого наименования раздавалось довольное поддакивание Антона, который, наверное, впервые как в той жизни, так и в этой, с непоказным усердием рвался в продовольственный магазин.

А ещё Сергей радовался тому, что его затея там, в доме Солодянкиной, удалась. Электричество-то неспроста шалило. Опасаясь последствий, он впервые, после возвращения из Египта, рискнул использовать Силу. Тихо, незаметно.

Идея пришла прямо на пороге особняка, после слов друга про изменение голоса. Что называется, на нервах. Первым делом, войдя в здание, Иванов попробовал ощутить ток

в проводах. Он хорошо помнил, насколько беспокойна и отзывчива эта субстанция – дальняя родственница его Дара. Получилось сразу. В гостиной, где лежала Виктория Егоровна – попробовал управлять. Призвал. Первый блин вышел, как всегда, комом, однако подскочившее напряжение вывело из строя к одной бабушке всю электронику в комнате, а её там было не мало, в том числе и скрытой.

За дублирующее видеонаблюдение теперь можно было не опасаться – если что и было – сгорело однозначно. Он это чувствовал. В кабинете – повторил. Пусть теперь безопасники Солодянкиной головы ломают...

А неплохо получилось! Интересно! Практики, жаль, маловато... Ничего, главное – теоретическая база есть, в остальном – понемногу разберётся.

История вторая. Праздник

Огромные часы над входом в торговый центр, видимые, по задумке дизайнеров, издалека, показывали без четверти пять пополудни. Иванов в приподнятом настроении вышел из троллейбуса и теперь прикидывал: «Идти домой или по центру пошляться?»

Маша ждала его к восьми. Почему именно к этому сроку – он не задумывался. Ну, попросила быть – и попросила. Мало ли, что ей в голову взбрело? Может, грубая мужская сила понадобилась – мебель подвигать, или сериал какой присмотрела для проведения совместного культурного досуга. В общем, спешить было некуда. Если сейчас сесть на маршрутку – то через десять минут он будет дома. Две остановки всего. Пешком – подольше, но тоже не критично.

А четырёхэтажный магазин с кинотеатром и кучей мелких кафе-площадок манил своими огнями. Через его огромные, без остановки вращающиеся двери постоянно входили и выходили люди; в прозрачной глубине здания то и дело мелькали парочки и целые стайки молодых, привлекательных девушек, смеясь и щебеча о своём, о женском. Последний аргумент победил, разрешив колебания инспектора.

Нет, на интрижку он настроен не был, однако пофлиртовать с красавицами, да ещё весной – святое дело, особенно после тяжёлого трудового дня.

... Сегодня им с Антоном пришлось попотеть. Напарник с утра честно предупредил, что у него грандиозные планы на вечер и весь день переживал, боясь надолго застрять на работе. Потому носились галопом, тем более что событие приключилось как раз по части Департамента Управления Душами.

Вчера ночью один не слишком умный призрак из свежесмерших решил, от нечего делать, попугать родню, с которой и при жизни-то не особо ладил. Пришёл, пошумел, демонически поохотал, а под утро ушёл восвояси в городской парк. Погулять.

Почему отдавший накануне концы не попал, как все нормальные усопшие, в свою последнюю Очередь, объяснялось просто – Идиот, причём именно с большой буквы. Начитавшись в своё время самого различного эзотерического бреда, будущий фантом увлёкся практическими занятиями, и невзвест как ухитрился привязать собственную душу к своей же квартире, где впоследствии и умер, медитируя под тяжёлыми наркотиками в поисках нирваны.

Застрявшие на Земле призраки попадались инспекторам частенько. У каждого имелась своя история, но объединяло их всех всего два критерия – бездумное баловство с собственным разумом или некоторое сильное чувство, не отпускающее их на Последний Суд.

До обеда инспекторы общались с насмерть перепуганной

роднёй, поспешившей сразу после похорон осесть в наследуемой жилплощади, потом искали шутника. Когда нашли – долго и нудно разговаривали с ним про устройство мира (покойный не хотел верить в свою смерть, искренне считая, что достиг какой-то там степени просветления и перерождения), потом, психанув, приложили Печатями занудливого упряма, отправив его куда положено.

На том и успокоились. Швец свалил по своим делам, а Сергей неторопливо направился в сторону дома. И задержался у торгового центра.

... Словно приглашая, из динамиков над входом приторно-бодрый голос с ненатуральной радостью сообщил:

– Только у нас, в кафе «Неаполитано» вы можете отведать настоящий итальянский кофе! Кафе «Неаполитано»! Вкус романтического путешествия!

«Дурацкий слоган, – промелькнуло в голове у парня. – Про пиццу ничего не сказал. Или дела у забегаловки не очень, потому они рекламу чередуют, чтобы подешевле было? Один раз про кофе, потом – про пиццу. Ролики короткие, зато название на слуху. Наверное, так».

При упоминании о здоровенной, круглой лепёшке из теста, на которой в изобилии разложены самые разные деликатесы, щедро посыпанные оплавившемся в печи сыром, жутко захотелось есть.

– Работает рекламка... – хмыкнул Сергей, входя в огром-

ный холл здания.

Не особо глаза на яркие, стремящиеся перещеголять друг дружку в завлекательности, витрины, он прошёл вглубь. Туда, где начинались островки со столиками, официантами и завлекательными запахами свежей сдобы. Выбрал себе местечко поуютнее, сел. Заказал кофе. Набивать желудок чем-либо посущественнее не рискнул. Если дома от еды откажется – трагедии не избежать. Кицунэ обидится жутко, а дважды обедать... или ужинать... Иванов так и не решил, к какому виду ежесуточного приёма пищи относить трапезу в пять часов дня.

Дождавшись заказа и с интересом поглядывая на прогуливающихся по магазинам весёлых, принаряженных по такому случаю девчонок, полез в карман за смартфоном. Новости глянуть, ну, и личку в соцсетях проверить.

А он подло сел. Не зарядил его вчера Серёга. Забыл.

Выпросив у официанта зарядку, подключил аппарат к сети через мудро приделанную для таких вот склеротиков розетку у столика. Правильно. Пока аппарат подключён и питается энергией – сидящие хоть что-нибудь закажут, чтобы не запретили пользоваться чужим электричеством, а не тупо займут столики и будут часами висеть в сети, лишая заведение прибыли. Выгонять ведь таких индивидов на глазах у нормальной публики – сразу скандал и порча репутации.

Засветившийся экран цинично показал три пропущенных

вызова и одно сообщение – все от Ланы. Глянув на время первого вызова, парень поморщился. Ещё в первой половине дня звонила, когда они потерпевших опрашивали. Он как раз тогда звук отключил, чтобы беспокойный аппарат не мешал слушать причитания с жалобами. Даже вспомнил, что именно его окончательно подстегнуло на такое, несвойственное инспектору действие.

Всё та же реклама. Боты в этот день как с цепи сорвались: сообщение от оператора связи о новом тарифе, потом с какой-то скидкой припёрся продуктовый магазин, где неосторожно была оформлена дисконтно-накопительная карта. Затем ошиблись номером, после которого о себе напомнил один из банков, мечтая при помощи методики холодного обзвона завлечь хоть кого-то в свои кредитные сети. И снова две рекламные SMSки от каких-то торговцев чем-то. Их парень даже не читал – стёр не глядя.

Потому и вырубил звук, а потом не до смартфона было. Мысли вернулись к экрану с уведомлениями.

Интересно, что ей нужно? Обычно Лана – особа ненавязчивая, меру в общении знает. Случилось что-то?

Не став гадать, инспектор нажал кнопку вызова и приложил смартфон к уху. Внештатница Спецотдела ответила сразу, точно ждала.

– Привет, – коротко поздоровалась она и сходу огорошила. – Ты в курсе, что у твоей домовой День Рождения? Именно сегодня?

– Я-а... э-э-э... – из инспекторского горла вырвалось нечто нечленораздельное.

– Ясно. Не помнишь. Или не знаешь. Я так и предполагала. В любом случае тебя это не извиняет.

Звучало обидно. Иванов действительно понятия не имел о том, когда именно родилась кицунэ. Она об этом никогда не упоминала, а он... скотина невнимательная, никогда не спрашивал.

– Откуда знаешь?! – речь вернулась. Свободная от аппарата рука отодвинула чашку с кофе на другой конец столика, будто та мешала говорить.

– Из твоего личного дела. При составлении психологического портрета давали ознакомиться. Там и про домовую было, в разделе «близкие связи». Даты я запомнила. Деньги на подарок есть? Или подбросить?

– Есть. Спасибо. Я тебе очень благодарен, – с чувством произнёс Сергей. – До восьми успею...

– Почему до восьми? – вцепилась в непонятный ей срок неугомонная Лана.

– Меня дома Маша к этому времени ждёт. Просила не опаздывать.

– Удачи! – пожелала напоследок женщина и отключилась.

В какую коварную западню он угодил, Сергей понял почти сразу, едва задумался о подарке. Вот что дарить? Новый яблочнофен? – кицунэ к технике равнодушна, да и есть у неё

и планшет, и звонилка вполне приличная по сегодняшним меркам. Духи с косметикой – тут всё индивидуально, пусть сама себе выберет. Сумку, золото, вазу? – не то... не то... Бельё? У них не те отношения. Деньгами сунуть – ну это уж совсем ни в какие ворота не лезет.

Иванову хотелось вручить домовой действительно что-то приятное, хорошее, памятное, а не отмазаться дорогой и ненужной безделушкой. Это же Машка! Добрая, отзывчивая, заботливая... Он только сейчас до конца осознал, какое большое, важное место занимает в его сердце кицунэ. Нельзя с ней так, «на отвяжись»!

В неизвестно какой раз окинув взглядом витрины дорогих бутиков, Иванову пришла в голову идея. Заметив охранника в традиционно-чёрной униформе, он почти подбежал к нему, сходу поинтересовавшись:

– Здесь есть... где подарки продают?

Сотрудник торгового центра вопросу не удивился. У него посетители, лентясь тащиться к стойке администратора, частенько спрашивали, где и что находится.

– Второй этаж. По галерее справа.

На ходу бросив слова благодарности, Сергей поспешил к эскалатору.

Нужный магазинчик нашёлся быстро. Небольшой, затесавшийся в самом центре прохода, между витриной с модной мужской одеждой и дамской обувью. Донельзя довольный своей догадливостью, инспектор вошёл внутрь, бегло окинул

взглядом стеллажи, прилавки... и обалдел, прикусив от досады нижнюю губу.

Торговали здесь, в подавляющем большинстве, аляповатыми поделками. Фарфоровые котики; яркие фигурки, половина из которых была сделана настолько неумело, что в них с трудом угадывались изначально задуманные слоники и тигры; безвкусовые халаты с божьими коровками; ароматизированные палочки; ловцы снов, украшенные облезлыми павлиньими перьями; рамки для фотографий любых форм и размеров; ручные зеркала всех пошибов; наборы для рукоделия и вышивки. Имелась секция и для подарков сильному полу – средней паршивости ножи, пепельницы, удочки, зажигалки и шкатулки для хранения табака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.